

Гадание при свечах

Автор:

Анна Берсенева

Гадание при свечах

Анна Берсенева

Молодая медсестра Марина Стенич обладает экстрасенсорными способностями. Однако этот дар обрекает ее на одиночество, потому что кажется непонятным и пугающим человеку, которого она любит. Вскоре Марина оказывается среди представителей «колдовской Москвы». Хозяйка известного магического салона пытается использовать ее способности в собственных целях. Но главную свою способность Марине еще только предстоит в себе открыть...

Анна Берсенева

Гадание при свечах

Часть первая

Глава 1

Яблок в этом году было так много, что утренний воздух был пронизан не только запахом, но и золотистым яблоневым сиянием.

С яблоневым запахом и светом связано было сегодняшнее Маринино настроение. Она не могла объяснить эту связь, но ясно чувствовала какой-то особенный трепет в груди, похожий на печаль и на предчувствие радости одновременно. Вот точно так яблоки и светятся, так они и пахнут – смешанный запах радости и печали.

Она сразу поняла, что поездка будет необычной. Конечно, в последнее время в ее жизни было так мало событий, что любая поездка нарушила бы однообразное течение времени. И все-таки дело было не в разнообразии ожидаемых впечатлений. Марина никогда не ошибалась в своих предчувствиях и знала, что может полностью им доверять.

Тем более – в яблоневый Спас. В такой день сокровенные тайны проясняются, словно промытые чистой водой, и даже самые незоркие люди могут их разглядеть. А уж она, Марина...

Даже толстая пожилая Нина Прокофьевна, старшая медсестра из терапии, выглядела взволнованной, почти растроганной.

– Девочки, – басила она, ни к кому конкретно не обращаясь, – день-то какой сегодня, а? И правда, праздник божий!..

– Просто праздников же не осталось у нас, до того жизнь поганая, – пыталась возразить Люся из процедурной. – Погода хорошая, выходной – вот и праздник, много ли нам надо.

Но и в голосе Люси, несмотря на природную ворчливость, чувствовалась радость.

Дребезжащий «Икарус» катил по шоссе, ведущему из Мценска в Спасское-Лутовиново. Это и была неожиданная поездка – в тургеневское родовое гнездо. Вообще-то, конечно, обыкновенная экскурсия, такие в прежние времена устраивались часто, в том числе и для работников больницы. Но то в прежние времена, а в новые – удивления достойно. Зачем бы, кажется, облздравовскому начальству думать о культурном развитии врачей и медсестер, зарплату бы выплатить вовремя.

Как и следовало ожидать, поехали в основном незамужние женщины. У семейных хватает дел в выходной, не до развлечений. Они послали вместо себя детей-школьников: не пропадать же бесплатной поездке. И детки сдержанно галдели теперь в большом автобусе, обмениваясь своими какими-то новостями, взрослым непонятными.

Рядом с Мариной сидела дочка главврача, двенадцатилетняя Катюша Наточеева. Марина давно знала ее, и девочка ей нравилась. Катюша часто приходила к отцу в больницу и всегда заглядывала к Марине в кардиологию, подолгу сидела у нее в процедурном кабинете, наблюдая, как Марина делает уколы или снимает кардиограмму.

«Конечно, врачом хочет быть», – незаметно улыбалась Марина, глядя на взволнованное, с почти благоговейным выражением Катино личико.

Как все это было знакомо – больница, большой отцовский кабинет, чувство почтительного восторга!..

Даже сейчас в пронизанном солнечными лучами автобусе Катюша думала не о хорошей погоде, не о яблоках и не о Тургеневе.

– Тетя Марина, а для чего адреналин? – спрашивала она.

Приходилось отвечать, да еще подробно. Маленькая, с прозрачным личиком Катюша была девочкой обстоятельной. Сначала Марина отвечала терпеливо и безропотно, но в конце концов ей это надоело. На очередной Катин вопрос о том, как делать непрямой массаж сердца, она ответила:

– Папу спроси как-нибудь, ладно, Катенька? Смотри, какое утро, не хочется ведь сейчас об этом думать, правда?

Девочка обиженно шмыгнула носом и умолкла. Что ей было до какого-то утра, до чудесных пейзажей, плывущих за окном, – поля и поля, куда они денутся. А о том, чтобы быть врачом, настоящим кардиологом, Катя думала всегда, это было ее самым заветным желанием. Марине даже жаль стало девочку: в самом деле, много ли их теперь, мечтающих стать врачами, а не элитными проститутками? И разве сама она не была такой когда-то – да не когда-то, а всего лет десять

назад?

Но ей действительно не хотелось думать сейчас о работе, и даже не из-за того, что она любовалась пейзажем... Печальный и счастливый холодок предчувствия будоражил Марину.

Марина Стенич работала в кардиологии уже три года, и вообще-то работа ничуть не угнетала ее. Со стороны казалось, что она все делает играючи, ее тонкие пальцы прикасались ко всему легко и мимолетно.

– Ты, сестричка, вроде кардиограмму снимаешь, а вроде уже и лечишь, – сказал ей как-то пожилой пациент, которого привезли по «Скорой» в предынфарктном состоянии. – И как это у тебя получается, прямо чудо, да и только. Ей-богу, полегчало, покуда ты со мной возилась. Способности, что ли, у тебя такие?

Марина только улыбнулась в ответ.

– Может, и способности. Вы лежите, лежите, Степан Сергеевич, – сказала она, заглянув в регистрационную карту. – Думаете, чуть-чуть отпустило, так уже и вставать можно?

Конечно, способности. Сейчас – такие же мимолетные, как прикосновения Марининых пальцев, но усатый Степан Сергеевич все равно их почувствовал.

– На врача шла бы учиться, – сказал он. – Молодая, самое время, кому ж учиться-то, как не тебе?

– Пойду, наверное, – кивнула она.

– Не ленись, не ленись, – назидательно добавил Степан Сергеевич. – Молодежь теперь как все равно одурела, только деньгу загребать. Что бог дал, о том совсем не думают. Сама потом будешь жалеть, вот помани мое слово.

– Да какие у нас здесь деньги, – пожала плечами Марина. – Разве в больнице кто-нибудь из-за денег работает?

– И то верно, – вздохнул он.

Степан Сергеевич Евстафьев оказался последним ее пациентом на сегодня. Рабочий день был окончен, и Марина чувствовала себя слегка усталой после ночного дежурства и целого дня непрерывной беготни. Медсестер катастрофически не хватало – впрочем, так было всегда, – и она одна вертелась там, где положено было работать троим.

Но это было даже хорошо: меньше оставалось времени на то, чтобы размышлять о равномерном течении жизни – о том, что нагоняло на нее неизбывную тоску.

А мысли эти наваливались на нее сразу, как только она выходила из больницы. Марина медленно шла домой по неширокой, сбегаящей к реке улочке и думала о том, что ей уже двадцать три года, а жизнь ее идет точно так же, как у всех одиноких медсестер – все равно, двадцатилетних или сорокалетних. Работа, необременительные домашние заботы – много ли надо одной! – немного больничных сплетен и слухов, то завистливо-злых, то привычно-равнодушных, потом – тихие, неотличимые друг от друга вечера за книгами или у телевизора. И тягучее, как у всех, однообразие...

Однажды она рассказала об этом Нине Прокофьевне из терапии: несмотря на внешнюю суровость и басовитый голос, та была отзывчива, Марина сразу это почувствовала.

– А ты влюбись, – спокойно посоветовала Нина Прокофьевна. – Молодая девка, чего тебе? Все при тебе, и парни за тобой бегут. Вот нашла себе заботу – жизнь однообразная! Мне б твои годочки, Мариша!..

Марина только вздохнула, выслушав этот нехитрый совет. Зря разболталась, разнюнилась перед Ниной. Ну что толку в чужих советах? Какое такое откровение она надеялась услышать?

Все правильно говорила Нина Прокофьевна. Хотя Марина была не из тех ослепительных красавиц, которые отбою не знают от кавалеров, но и за ней не прочь были приударить не самые последние парни. Дело было не в отсутствии поклонников.

Дело было в ней самой.

Двадцатитрехлетняя медсестра Орловской областной больницы Марина Стенич не только никогда не была влюблена, но даже и представить себе не могла, как это можно влюбиться и в кого. И ни книги ее не убеждали, ни фильмы – она была сама по себе, и любовь была не для нее.

– Приехали, тетя Марина! – Катюшин голос вывел ее из задумчивости. – Смотрите, сколько яблок продают!

Действительно, у самого усадебного забора расположились женщины с ведрами, полными яблок – золотых, зеленых, красных.

– А вот посвященные тоже есть! – наперебой зазывали они. – Яблочки берите, на Спас берите яблочки! Утречком в церковь сходили, берите!

Марина спрыгнула с подножки автобуса и медленно пошла вдоль яблочного ряда, с наслаждением вдыхая томительный запах. Краем глаза она заметила, что у входа в усадьбу уже стоит автобус с московскими номерами, а к нему подъезжает еще один. Людно, оживленно было в Спасском в это ясное августовское утро.

Марина уже была однажды в тургеневской усадьбе, и ее не слишком мучило любопытство. Просто приятно было идти ясным утром по чистой аллее, мимо церкви Спаса Преображения – туда, где сквозь стволы деревьев просвечивала зеленая крыша старинного дома.

Экскурсоводша ждала их у крыльца. Едва увидев ее, Марина удивилась: неужели здесь работает эта изящная, элегантная женщина? Конечно, не колхоз – музей, люди здесь интеллигентные, но все же... На вид экскурсоводше не было тридцати, на ней была узкая бордовая юбка, чуть прикрывающая колени. Из-за высоких «шпилек» ее ноги с тонкими лодыжками казались особенно длинными и стройными. Под вишневой шелковой блузой, свободно падающей до бедер, угадывались изгибы такой фигуры, на которую только слепой не обратил бы внимания. Марина даже вздохнула потихоньку: вот это да, не то что ее узкие, как у подростка, плечики!

Прямые черные волосы падали экскурсоводше на плечи, черные миндалевидные глаза посверкивали под длинной челкой так таинственно, точно женщина собиралась рассказать не о Тургеневе, а о чем-то невероятно интригующем и загадочном.

Но, дождавшись, пока вся группа соберется у крыльца, она произнесла самые обыкновенные слова:

– Здравствуйте, дорогие друзья, я рада приветствовать вас в музее-усадьбе Спасское-Лутовиново! Меня зовут Наталья Андреевна Спешнева, я проведу с вами экскурсию по дому и парку.

Живя в Орле, трудно ничего не знать о Тургеневе. Даже если совсем ничего не читать, даже если ни разу не сходить в музей, все равно – само собой как-то знается о нем, такой уж город. А для Марины и вовсе ничего нового не было в том, что приятным, низким голосом рассказывала Наталья Андреевна. Она только с непроходящим удивлением рассматривала ее фигуру, костюм, прическу, гадая: что же за птичка такая залетная?

– Здесь властвует гармония изящных линий ампирной мебели, – говорила Наталья Андреевна. – Всюду теплые блики красного дерева и карельской березы. Мы с вами увидим столовую, гостиную, «казино», библиотеку, «комнату Полонских»...

Марина прислушивалась, как маняще звучит голос, произносящий простые фразы. Она сразу почувствовала необычность этой женщины, и смутная тревога почему-то шевельнулась в ее душе...

Она была сама по себе. Не было, наверное, во всем городе Орле человека, который был бы так не подвластен никаким внешним влияниям, как Марина Стенич. Она и в детстве была такая, и теперь. И это не была замкнутость или нелюдимость – наоборот, все, кто знали Марину, знали и ее приветливый, доброжелательный нрав. Это было что-то другое – необъяснимое...

Марина чувствовала вокруг себя какой-то прозрачный, невидимый радужный круг – не воображала его, а физически чувствовала. Он начинался где-то у плеч, вздымался вверх, подрагивая от каждого ее движения, как огромный мыльный

пузырь, и уже внутри этого круга была она, Марина, – невысокая, хрупкая, с чуть угловатыми плечами и светло-рыжими волосами. Он ничуть ей не мешал, никто его не видел, а Марине было в нем легко и спокойно. И она никогда не чувствовала одиночества, и никто не мог ей повредить – просто потому, что круг надежно защищал ее от любых внешних влияний.

Вот только любовь... Любовь ведь тоже была внешним влиянием и была так же вне Маринино спасительного круга, как чужая зависть, недоброжелательность или любопытство.

Она была словно защищена от любви и знала это – и ничуть об этом не жалела. Что ж, такую, значит, уродилась. Бывают же люди, которым совершенно недоступна, например, музыка – и ничего, во всем остальном прекрасно себя чувствуют.

Жизненная тоска – это было единственное, неясное, но осязаемое, что ее угнетало. Но любовь здесь была совсем ни при чем, в этом Марина была уверена и даже проверила это однажды – самым простым способом.

В нее влюбился больной из шестой палаты, Саша Сташук. В пятницу вечером его привезли с сердечным приступом и даже подозрением на инфаркт. Странно, конечно, для крепкого парня, которому нет и тридцати, но ведь все больше бывает сейчас таких вот молодых инфарктников: жизнь такая.

Марина дежурила в ночь на субботу, и все было как обычно: сделала испуганному Сташуку укол, измерила давление. Потом взяла его за руку, послушала пульс и сказала, улыбнувшись:

– Саша, не волнуйся. По-моему, все у тебя в порядке. Сердце чуть-чуть прихватило, но ничего страшного. Полежишь немного и домой пойдешь, вот увидишь.

– Правда? – Сашка посмотрел на нее с надеждой и недоверием. – Ты просто так говоришь или по медицине знаешь?

– По медицине, по медицине, – успокоила она. – У меня ведь опыт уже, вот честное слово!

– Да какой у тебя опыт... – недоверчиво протянул Сташук, окидывая Марину быстрым взглядом.

Инфаркт у него не подтвердился, и уже к понедельнику Сашка повеселел. Друзья принесли ему гитару, и он всю развлекал медсестер страдальческими песнями и взглядами. Развлекал всех, но предназначены и песни, и взгляды были только Марине...

Он даже не слишком обрадовался, когда заведованием Иосиф Давыдович сообщил ему о выписке.

– Ты, Сашенька, не рад, кажется? – удивился зав. Он симпатизировал веселому, разбитному парню. – Или на работу неохота? Так мы ведь больничный выпишем, это ты не беспокойся!

– Да нет, Иосиф Давыдыч, я ж не потому, – смутился Сашка. – Коллектив у вас хороший, я и привык...

– Я тоже, – усмехнулся заведующий. – Особенно медсестрички, правильно, Саша?

Вообще-то Саша Сташук был не первый пациент, влюбившийся в медсестру Марину. Ей и цветы дарили, и норовили приобнять, когда народу поблизости не было, и даже любовные записочки писали. Но Сашка, кажется, влюбился по-серьезному – так пылко, что камень бы растрогался.

На следующий день после выписки он ждал Марину в больничном сквере. Она увидела его издали, хотя уже смеркалось. Заметив ее, Сашка быстро поднялся со скамейки. На нем был новый джинсовый костюм, в руках он держал цветы в зеркальном целлофане.

– Мариночка, а я тебя жду! – обрадованно сказал он, быстро шагая ей навстречу. – Что долго так сегодня?

– Ну зачем ты бегаешь по городу, Саша? – укоризненно сказала Марина. – Думаешь, если не инфаркт, так можно и совсем о здоровье не думать?

– Да ну! – махнул рукой Сашка. – Чего о нем думать, что я, старик?
Переработался немного, вот и прихватило, оно ж понятно. Отдохнул в больнице, все и прошло!

Марина невольно улыбнулась бесшабашности, так трогательно выглядевшей в этом крепком высоком парне со светлым волнистым чубом и широкими плечами.

– Можно домой тебя проводить? – спросил Саша, бросая на Марину быстрый взгляд.

Он не производил впечатления человека, привыкшего спрашивать разрешения у девушек, и поэтому его неожиданная робость была особенно привлекательна. Марина жила недалеко от больницы, и дошли они быстро, хотя Саша явно старался растянуть этот недлинный путь.

Весенняя тополиная зелень окутывала улицу легкой дымкой. Саша незаметно взял Марину под руку, она чувствовала, как подрагивает его локоть, и знала, что Саша хочет ее обнять, но не решается. Он рассказывал, что работы у него теперь стало предостаточно, что в деньгах он нужды не знает... Но не хвастался, а просто рассказывал, то и дело поглядывая на Марину с прежней трогательной робостью.

– Строителям теперь раздолье, – говорил он. – Если, конечно, квалифицированные и непьющие. Хоть у нас в Орле, хоть, говорят, и в Москве. А я, знаешь, люблю, когда возможности. По мне, так ничего, если и трудности временные, лишь бы перспективы были.

Марина улыбалась, слушая его. Он был очень хороший и спокойный, от него так и веяло теплом и уверенностью.

– А вот и мой дом, – сказала она, останавливаясь у калитки. – То есть не мой, а я здесь комнату снимаю.

– Снимаешь? – удивился он. – Разве ты не местная?

– Нет, – покачала головой Марина. – Я в Орле после медучилища осталась.

– Так ведь, наверно, надоело тебе по чужим углам? – спросил Сашка.

– Да нет, – засмеялась Марина. – У меня здесь уютный угол, я и не замечаю, что он чужой.

– Все равно, – протянул Саша. – Долго ли так сможешь...

Его намерения по отношению к ней были так очевидны, что он даже не старался их скрыть. Он встречал ее с работы каждый день, пока длился больничный, а потом – каждый раз, когда их рабочий день заканчивался одновременно. Он дарил ей то цветы, то духи, и был робок, как мальчик, сидя рядом с нею на скамейке в парке. Он подолгу держал ее руку в своей, стоя у калитки и почему-то все не решаясь ее поцеловать.

Все это было трогательно, хорошо, и ей легко было с Сашей Сташуком, как не было легко ни с одним парнем из тех, что пытались за ней ухаживать. Да Саша и не похож был ни на кого. Во всяком случае, никто из них не отличался застенчивостью.

Но Марина была отдельно от него, и ничего нельзя было с этим поделать.

Не стоило ожидать, что ей встретится в жизни кто-нибудь лучше Саши Сташука, это Марина прекрасно понимала. Да вовсе она и не ждала какого-то неведомого принца, и вовсе не мучили ее неясные предчувствия, из-за которых обычная жизнь проходила бы мимо. Просто – Саша так же оставался во внешнем мире, как и все остальные, так же мало значил для нее, и совсем не важно было даже, плохой он сам по себе или хороший.

Когда Саша впервые поцеловал ее, Марина поняла это ясно и окончательно – словно и вправду проверила. Губы у него были мягкие, нетерпеливые – и как он заставил себя ждать так долго? – и поцелуй длился, пока у них обоих хватало дыхания. И все это время, чувствуя Сашины губы на своих губах, Марина понимала, что не отстраняется только потому, что ей жаль его обидеть.

Поцелуй кончился, и Саша медленно опустил руки.

– Ох, Марина... – вдруг сказал он удивленно и немного испуганно. – Ты прости меня, но я чего-то... Не знаю я!

– Что – не знаешь? – спросила она, вглядываясь в его лицо, пытаясь поймать его взгляд.

– Что это со мной... было, вот чего не знаю. Вроде полюбил я тебя, вроде подходим мы друг другу... А чего же тогда? Почему ты такая?

– Какая, Саша? – тихо спросила Марина.

– Да как ледышка холодная, вот какая! Ну, я сначала думал, это просто что не было у тебя никого, что стесняешься ты. А потом смотрю – нет, другое чего-то. Я что, совсем тебе не нравлюсь?

Марина молчала. Что можно было объяснить простому и ясному Саше? Вот сейчас он уйдет, и, наверное, она больше никогда его не увидит. И что? Ей это так же безразлично, как безразлично было сегодня утром, увидит ли она его после работы. И он в этом несколько не виноват.

– Странно прямо, – нарушил молчание Саша, не дождавшись ответа. – А говорят, рыжие – горячие... Я и не думал, что ты бесчувственная такая.

Этим вечером она окончательно убедилась, что любовь – не для нее.

Расставшись с Сашей и войдя к себе в комнату, Марина долго смотрела в зеркало. Оно у нее было старинное, бабушкино, Марина привезла его с собой даже в общежитие медучилища. Из темной резной рамы смотрела не красавица и не уродина – таких принято называть девушками с оригинальной внешностью. В ореоле пышных рыжих волос лицо не казалось бледным: они словно бросали на него медовый отсвет. Высокие тонкие скулы, глаза не маленькие, но кажутся не большими, а какими-то длинными – потому что, пожалуй, узковаты. Даже не сразу разглядишь, какого они цвета.

А цвета они были странного, непонятного и неназываемого. Смесь зеленого с карим, а по всей радужке – множество переливчатых разноцветных точек, и от этого цвет меняется по всему кругу. Когда Марина вглядывалась в свои глаза, ей

самой становилось как-то не по себе от этих неуловимых переливов цвета. И она спешила перевести оценивающий взгляд на свою фигуру.

Вот фигура уж точно была самая обыкновенная – и плечи как у подростка, и совсем нет того пленительного изгиба талии и бедер, который так бросается в глаза и создает впечатление совершенства, и грудь маленькая.

Марине было совершенно все равно, как оценивают ее внешность мужчины, но ей казалось, что из-за обыденной внешности бывает обыденная судьба. Вздыхнув, она отправилась на хозяйскую кухню ставить чайник.

Вот у Натальи Андреевны Спешневой судьба точно не обыденная. Марина так увлеклась разглядыванием этой необычной женщины, так заслушалась ее голосом, что почти не замечала комнат, по которым вела их экскурсоводша. Она отвлеклась, только когда группа уже направлялась к выходу, и ей стало неловко: все-таки тургеневский дом, а она думает невесть о чем!

Но Наталье Андреевне было, кажется, совершенно все равно, слушают ее экскурсанты или нет.

– Мы с вами переходим в тургеневский парк, – сказала она, не меняя интонации. – Собственно, это не парк в строгом значении слова. В нем нет ни подстриженных деревьев, ни заморских растений, ни мраморных статуй в аллеях. Тургенев всегда называл его садом.

«Интересно, как она по саду пойдет на таких каблуках?» – мельком подумала Марина, выходя из дому вслед за экскурсоводшей.

Катенька, шедшая все это время рядом с ней, молчала и совсем не задавала вопросов: ей было интересно только то, что относилось к медицине. Экскурсоводша шла по саду легко, как по паркету, – впрочем, дорожки были гладкими.

– Перед вами дуб, посаженный самим Тургеневым. Сейчас это могучий столетидесятилетний великан, в его тени соловьи не смолкают даже днем, – рассказывала она. – А теперь мы с вами пойдем к знаменитому скрещению

липовых аллей...

Солнце уже поднялось высоко, день обещал быть жарким, но в старинном парке было прохладно и спокойно. Наверное, так было здесь всегда, в любое время года. В глубине одной из аллей показалась другая группа, и Наталья Андреевна остановилась, пропуская ее, – чтобы можно было рассмотреть красивую перспективу вдалеке.

Впереди группы шел молодой человек – наверное, тоже экскурсовод. Он подходил все ближе, и группа подходила все ближе. Наталья Андреевна ждала, прикрывая глаза от солнца, пробивающегося сквозь густую листву, а Марина смотрела на этого парня в клетчатой рубашке, шедшего впереди всех по прямой и светлой липовой аллее.

Солнце вдруг ударило в глаза, ей даже показалось на мгновение, что оно подожгло волосы, – и Марина судорожно поднесла руку ко лбу, словно сбивая пламя. Парень в клетчатой рубашке шел ей навстречу, Марина почти не видела его из-за пронзительного солнечного света, но сердце у нее билось стремительно, и она чувствовала, что начинает задыхаться от этого бешеного биения.

– Тетя Марина, вы что? – услышала она испуганный Катенькин голос – словно издалека, сквозь какую-то давящую толщу. – Вам что, голову напекло?

– Да, кажется, да... – прошептала она, по-прежнему держа руку у лба и чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног.

Она ответила Катеньке машинально, едва шевеля губами. На самом деле Марина не знала, что с нею происходит. Она ни разу в жизни не теряла сознания и не представляла, как это бывает, хотя за время своей работы в кардиологии навидалась всякого. Она чувствовала только полную свою незащищенность. Вместе с неисчислимыми солнечными лучами ее пронизывали еще какие-то лучи, они сотрясали даже не тело, а саму ее кровь, они взрывали ее изнутри! Но это было совсем не больно – это было странно, незнакомо, невообразимо...

Марина услышала Катенькин вскрик и тут же увидела, как стройные липовые стволы стремительно взлетели вверх и закружились над нею, пока не исчезли в неожиданной тьме.

Глава 2

– Боже мой, но отчего может быть солнечный удар? – услышала Марина, еще не открыв глаза. – Мы только что вышли из дома, и потом – ведь совсем не жарко в саду! Нет, я просто не представляю...

Женский голос звучал взволнованно, Марина с трудом узнала невозмутимую Наталью Андреевну.

– Не волнуйся, Наташа. По-моему, она очнулась, – ответил мужской голос, и Марина тут же открыла глаза, чтобы увидеть говорящего.

Но голоса звучали где-то в стороне, а над нею были только липы, ласково шелестящие в струящемся воздухе.

– Ты думаешь, Женечка? Может быть, все-таки надо вызвать «Скорую»?

– Нет-нет, не надо «Скорую»... – прошептала Марина.

– Вот видишь! Это какая-то досадная случайность, – снова произнес мужчина. – У нее уже лицо порозовело, сейчас она совсем придет в себя.

Марина поняла, почему она не видит говорящего: ее голова лежала у него на коленях, и он был поэтому где-то сзади. Но его руку она чувствовала у себя на лбу. Рука была прохладна и легка, и Марине вдруг показалось, что пальцы осторожно гладят ее лоб.

– Мне ведь надо экскурсию продолжать... – произнесла Наталья Андреевна слегка смущенно.

– Ну конечно, иди, Наташа, – тут же ответил мужчина. – Не волнуйся, я уже закончил и вполне могу помочь.

Марина почувствовала, как дрогнули его колени, на которых лежала ее голова. Тут же он подхватил ее рукой под плечи, не отнимая другую ото лба.

В глазах у нее прояснялось, она уже видела и столпившихся вокруг людей, и Катеньку, и Наталью Андреевну. И только парня в клетчатой рубашке она не видела – но чувствовала его руки на своем лбу и на плечах.

– Извините, я сама не понимаю, что случилось. – Маринин голос звучал прерывисто. – Голова закружилась. Из-за солнца, наверное.

Голова у нее теперь не кружилась, а болела: наверное, Марина ударилась, упав на дорожку.

– Вы можете сесть? – спросил невидимый парень. – Давайте я вам помогу. Лучше перейти на траву, да там и прохладнее.

Едва не вскрикнув от резкой головной боли, Марина села, потом оперлась рукой о песок и встала на ноги.

– Тетя Марина, я так испугалась! – Катенька подставляла ей маленькое плечо. – Я подумала: а вдруг у вас с сердцем плохо стало, а я же ничего не умею...

Парень в клетчатой рубашке поддерживал ее под руку. Так, втроем, они свернули с дорожки и сели на густую траву в тени старых лип.

Тут Марина впервые подняла на него глаза – и сразу поняла, что с ней произошло.

Она с трудом могла смотреть на него. Это было совершенно непонятно – почему, но сердце у нее снова стремительно забилось, едва она взглянула в его лицо. Только головная боль немного притупляла неодолимое чувство изумления и восторга, пронзительнее которого Марина ничего в своей жизни не знала.

Парень смотрел на нее сочувственно и спокойно. Несмотря на биение сердца, несмотря на головную боль и растерянность, Марина видела его лицо так ясно, словно воздух между ними приобрел какую-то особую прозрачность.

У него были большие светло-серые глаза с расходящимися из центра тонкими лучиками, и даже сейчас, хотя он смотрел прямо на Марину, взгляд у него был задумчивый и слегка рассеянный. Все остальное было как будто и неважно – только эти задумчивые глаза с серыми лучиками, которые Марина видела однажды и которые теперь узнала сразу...

Черты лица у него были правильные и такие же спокойные, как взгляд. Прямой нос, небольшой рот с чуть припухшей нижней губой, выгоревшие на солнце брови...

– Меня зовут Женя, – сказал он.

– А меня – Марина. Извините, Женя, столько неожиданных хлопот... – начала было она.

– Ну что вы, – тут же остановил ее Женя. – Хлопот для меня совершенно никаких, мне только жаль, что вы ушиблись. У вас, наверное, голова болит? Вы так упали, Марина, даже издали можно было испугаться!

– Я и сама не понимаю, что произошло, – смущенно сказала она, морщась от головной боли и изо всех сил стараясь, чтобы боль ушла.

На самом деле Марина уже понимала, что с ней произошло. Или, по крайней мере, понимала, что произошло это сразу, как только она увидела Женю в глубине аллеи.

– Вы из московского автобуса? – спросил он. – Тогда, наверное, придется поторопиться: ваши скоро уезжают.

– Нет, я из Орла. Нас вообще на целый день сюда привезли. Сначала в Спасское, в музей, а потом на пикник куда-нибудь, – объяснила она.

– Тогда, значит, есть время, – сказал Женя, и Марине показалось, что в голосе его мелькнула короткая радость – или только показалось? – Я имею в виду, что вы можете спокойно собраться с силами, – пояснил он.

– Катюша, – спохватилась Марина, – ты почему здесь сидишь? Ну-ка беги за экскурсоводом! Не хватало еще, чтобы ты из-за меня не дослушала.

– Да ну! – скривилась Катюша. – Я про это Лутовиново сто раз в школе слышала, и мы здесь с классом были в мае.

– Беги, беги, – не согласилась Марина. – Ты умница, спасибо тебе, но дослушай экскурсию, я тебя очень прошу.

Волей-неволей Катюше пришлось подчиниться. Она отряхнула платье и выбралась на аллею. Вскоре ее фигурка исчезла среди стройных липовых стволов.

Марина смотрела теперь на Женю неотрывно. Она привыкла к его лицу, как привыкаешь к солнечному свету, выйдя из темноты. Пожалуй, она смотрела на него даже слишком пристально – так, что Женя смущенно отвел глаза. Марине было уже лучше, и головную боль ей удалось приглушить, но ей так нравилось сидеть на прохладной траве рядом с Женей, что она по-прежнему молчала, как будто не совсем оправившись.

Женя первым нарушил неловкое молчание.

– Может быть, вам воды принести? – спросил он. – Вам бы, конечно, родниковой сейчас хорошо, но хотя бы просто холодной, хотите?

– Приносить не надо, – покачала головой Марина. – У вас ведь рабочий день, правда? Я и без того вас отвлекла.

– Рабочий день – правда, – согласился Женя. – Но вообще-то у нас сейчас нет недостатка в экскурсоводах, так что меня заменят, если я попрошу.

Сердце у Марины снова забилося быстрее, когда она это услышала. Попросит! Значит, он не хочет поскорее избавиться от нее, как от неожиданно свалившейся обузы? Она вдруг поняла, что и Женя ощущает необычность их встречи на перекрестье липовых аллей, необычность всего, что произошло так мгновенно и неотменимо.

– Тогда – попросите? – полувопросительно произнесла она. – Сегодня день такой хороший, даже жаль работать...

– Хорошо, – улыбнулся Женя. – Пойдемте к дому, я с директором поговорю, а вы пока воды выпьете.

Пока он договаривался с директором и с пожилой экскурсоводшей в растоптанных тапочках, Марина умылась возле колонки, причесала влажные волосы. Она чувствовала себя даже бодрее, чем утром, когда шла по аллее к тургеневскому дому. Но странное, незнакомое чувство примешивалось к этой бодрости: как будто она потеряла что-то, но потеря эта не печалит ее и не тревожит, а даже радует.

– Все! – Женя стоял перед нею, глядя по-прежнему внимательно и чуть рассеянно. – Я договорился, Марина, и теперь вполне могу вам помочь.

– Знаете, а я уже совершенно хорошо себя чувствую, – сказала она с легким смущением. – Наверное, я напрасно вас от работы оторвала...

Женя засмеялся.

– Вы как будто извиняетесь, что не лежите без сознания! Очень хорошо, что вам лучше стало, мы теперь можем просто погулять. Ведь и правда день хороший.

– Я только водителю нашему скажу, что не поеду на пикник, – сказала Марина. – Чтобы меня не ждали.

Ей нравилось, что они говорят об этом как о чем-то самой собой разумеющемся – как будто давно ждали этого ясного августовского дня, как будто не увидели друг друга впервые всего час назад.

Они обошли дом и вошли в парк другой дорогой – не сговариваясь, чтобы не столкнуться с Мариной группой. И она снова поняла, что они с Женей думают об одном...

Они прошли через весь парк в полном молчании, но молчание не угнетало их. Когда обогнули пруд, Марине показалось, что они вышли на какую-то дорогу –

только не современную, асфальтовую, а старинную, с высокими ракетами по краям.

Она спросила об этом у Жени, и он согласно кивнул.

– Здесь Екатерининский тракт начинался, – сказал он. – По нему Тургенева в три года увезли в Париж – в карете, с продуктовым обозом...

Марине показалось, что Женя вглядывается вдаль так, словно видит там удаляющийся обоз. Потом он повернулся к ней, прищурился.

– А знаете, – сказал он, – я ведь до сих пор лицо ваше не разглядел.

Тут только она поняла, отчего он прищуривается, вглядываясь в нее: просто плохо видит вблизи, дальнотзорный.

– Я отойду во-он к той ракете, – засмеялась она. – И вы тогда лицо мое разглядите, как на портрете!

Время было совсем неощутимо в этот удивительный день, оно словно притаилось меж деревьев старинного парка. Марина и Женя бродили по дорожкам, то спускаясь к пруду, то выходя на поляну «лесного зала», окаймленную огромными елями. Чудесное, ничем и никем не нарушаемое одиночество охватило их; даже экскурсионные группы не попадались навстречу, словно исчезли, чтобы не мешать их самозабвенному кружению.

Марина не заметила, что они с Женей уже давно держатся за руки, как дети. Кажется, и он этого не замечал. Они то молчали, то разговаривали о чем-то – ни о чем особенном, и даже не о себе, но все равно о себе, об этом необыкновенном дне, который не мог кончиться никогда...

– Женя, вы ведь не ели сегодня! – спохватилась Марина. – Как же я об этом не подумала!

– А вы разве ели? – улыбнувшись, сказал Женя. – По-моему, мы весь день не расставались.

– Я? Да, и я... Но я не заметила.

– Я тоже...

– А вы что же, из Москвы сюда на работу приезжаете? – спросила Марина.

– Нет, – удивился он. – Не приезжаю. Почему вы решили?

– Просто... Не похоже, чтобы вы были, например, из Мценска.

– Конечно, я из Москвы вообще-то, – сказал он. – Но живу здесь, в Петровском. Это деревня такая рядом.

Марине показалось, что при этих словах по его лицу промелькнула какая-то тень. Но она не стала расспрашивать.

– А я вас даже не спросил ни о чем, – медленно произнес Женя, словно удивляясь самому себе. – Даже не спросил, кто вы. Это так странно, Марина! Я не понимаю, что со мной происходит. Мне кажется, вы были здесь всегда...

Она всматривалась в его светлые, не видящие ее вблизи глаза и думала о том же: что он был всегда и что невозможно представить, как же это – расстаться...

– Вы сказали, что в Орле работаете? – спросил он.

– Да, медсестрой в больнице, – кивнула Марина.

– Как же вы домой доберетесь сегодня? По-моему, в выходной нет вечернего автобуса, – сказал он задумчиво.

Марина почувствовала, что сердце у нее сжимается. Она вообще забыла о том, что придется куда-то добираться. Но она и не думала, что надо будет устраиваться на ночь. Ей просто казалось, что время остановилось и они с Женей всегда будут блуждать по старинному парку.

Конечно, этого быть не может, он правильно говорит. Марина почувствовала, как медленно, словно из сновидения, возвращается в привычный мир – и тут же ощутила странность происходящего: тургеневский парк, парень в клетчатой рубашке, которого она еще утром совсем не знала и которого теперь держит за руку... И одновременно – чувство легкой, необидной какой-то потери.

– Не волнуйтесь, Женя, я на попутке доеду до Мценска, а там уж как-нибудь, – сказала она.

Наверное, ее голос звучал как-то по-другому, чем пять минут назад. Женя тут же спросил:

– Вы обиделись на меня, Марина? Извините, мне действительно не надо было... Не надо было разрушать это хрупкое очарование! Моя проклятая рациональность всегда оказывается неуместной.

Ей тут же захотелось его успокоить: она сразу почувствовала, как искренне он расстроен.

– Нет, что вы! Вы же не сказали ничего обидного. Просто... Какой-то день сегодня... странный, правда? Все происходит так... мгновенно – то вспыхивает, то исчезает, ничего невозможно задержать. Вы сказали то, что есть.

Он посмотрел на нее чуть удивленно, словно не совсем понимая, о чем она говорит, но тут же согласно кивнул.

– Правда, необычный день. Знаете, Марина, я, наверное, совсем к необычному не готов и веду себя по-дурацки. Неблагодарно себя веду!

Теперь он смотрел на нее ожидающе: поймет ли она, о чем он говорит? Но Марина понимала его еще прежде, чем он умолкал. Она чувствовала гораздо больше, чем он мог сказать, больше, чем вообще можно было высказать.

Они снова стояли у самого дома, только сзади, не у парадного крыльца. Солнце уже налилось вечерним огнем, и весь парк полыхал закатным пожаром. Марина действительно не чувствовала ни голода, ни жажды, ни головной боли. Она смотрела на Женю, вглядывалась в его лицо и чувствовала, что ей почему-то

хочется прикоснуться губами к выступам его ключиц, проглядывающим в расстегнутом вороте рубашки. Ей так хотелось этого, что губы у нее вздрагивали...

Она едва сдержала себя, но все-таки медленно подняла руку и прикоснулась пальцами к его губам. Они шевельнулись под ее прикосновением – нежно, едва ощутимо, – и Марина почувствовала, как Женя осторожно поцеловал ее пальцы.

Они медленно шли вдвоем по дороге от усадебного забора – туда, где утром шумели яблочные ряды. Солнце освещало их последними лучами, и Марина ясно чувствовала, как что-то кончается в жизни, какой-то перелом совершается в ней.

И вдруг она поняла, почему не покидает ее отчетливое ощущение потери! Ее спасительный круг, радужный контур – исчез, и ничто больше не отгораживало ее от мира! Это была не фантазия; Марина вздрогнула, поняв это. Но тут же она посмотрела на Женю – и ей стало все равно, есть ли круг, нет ли его. Да и был ли он вообще, не привиделся ли ей в одном из ее странных снов наяву?

Они дошли до шоссе, и Марина подняла руку, увидев вдалеке одинокий грузовик с брезентовым верхом. Другую руку она прижимала к Жениной ладони.

Грузовик остановился сразу, и Женя растерянно смотрел, как Марина открывает дверцу. Она не поняла, что даже не простилась с ним: совсем не чувствовала, что они расстанутся, даже не заметила, как разнялись их руки, потому что по-прежнему ощущала тепло его ладони.

– Марина... Подождите же! – воскликнул Женя, когда она уже забралась в кабину. – Подождите, как же так! Мы... не увидимся больше?

Тут только она поняла, что это в чувстве ее, в самой глубине ее существа они не расстанутся. Но наяву Женя оставался на пыльной обочине шоссе, а она захлопывала дверцу случайного грузовика.

– Женя, простите меня! – Марина мгновенно соскочила с подножки. – Я... Мы увидимся очень скоро, если только...

– Если – что?

– Если вы не передумаете меня увидеть.

Она смотрела на него своими длинными переливчатыми глазами, и взгляд ее завораживал, заставлял верить каждому движению ее губ. Женя кивнул и медленно, осторожно привлек ее к себе, коснулся губами ее виска, провел пальцами по щеке. Его рука лежала на ее плечах, обнимая их, и Марина приникла к нему, закрыв глаза.

– Правда? – прошептал он, и прядь волос шевельнулась у нее над ухом от его ожидающего шепота.

– Да!

Она прижалась к нему так крепко, что всем телом почувствовала его вздрагивающее тело, потом мгновенным движением поцеловала заветные выступы ключиц в расстегнутом вороте его рубашки – и отпрянула, быстро пошла к машине.

Невозмутимый водитель ждал, скучающе глядя на них: подумаешь, прощаются, чего тут такого?

Марина захлопнула дребезжащую дверцу, грузовик тронулся с места, и она долго смотрела на удаляющуюся Женину фигуру на обочине.

Глава 3

Домой она добралась только к ночи. Пришлось долго ждать автобуса на станции во Мценске, потом идти через весь город к себе, к своему дому у реки.

Марина сказала правду Саше Сташуку: за три года она так привыкла к своей комнатке, что та действительно не казалась ей чужим углом. Пришлось, правда, будить хозяйку, запиравшуюся на ночь на крючок и цепочку, но та была не ворчлива и любила свою спокойную жиличку.

Ночной воздух охладил пылающее Маринино лицо, вихрь мыслей стал спокойнее. Но то, что чувствовала она к Жене... Это не утихло, осталось таким же пронзительным и ясным, как утром, в блеске солнечных лучей. Это была любовь – та самая, от которой можно потерять сознание. Она и потеряла сознание; уже одно это было знамением.

Марина вдруг поняла, что сидит у стола в своей комнате, даже не включив свет. Впрочем, это было неважно: она и в темноте видела не хуже, чем при свете, ее даже дразнили из-за этого в детстве рыжей кошкой.

А сейчас она все равно видела только Женю – видела так ясно, словно все еще стояла рядом с ним, прижимая руку к его ладони и всматриваясь в его рассеянные дальнзоркие глаза. Она чувствовала его дыхание на своем виске, и все ее тело пронизывал такой неведомый ей прежде трепет, от которого в глазах у нее действительно темнело – все равно, при свете или в темноте.

Марина встала, неслышными шагами прошла через всю комнату и распахнула окно. Свежее дыхание реки ворвалось в дом, и Марина неожиданно засмеялась. Ни смятения, ни растерянности не чувствовала она сейчас, хотя любовь впервые налетела на нее, закрутила вихрем! Это было так хорошо, и не было в ее жизни чувства сильнее и прекраснее...

Свет она так и не зажгла. Постелила себе в темноте, легла, сразу сбросив одеяло с пылающего тела. Чувство ее было ясным и спокойным, а вот мысли кружились, тесня и сменяя друг друга. Она подумала об отце, потом о бабушке, потом почему-то о том, как золотились в корзинах яблоки сегодня утром, и о скрещении липовых аллей...

Потом она поняла, что снова думает о Жене – или чувствует его? Снова – но совершенно иначе, чем несколько минут назад. Теперь она не просто вспоминала их сегодняшний день таким, какой он был, с ясностью каждого мгновения, а видела Женю – сейчас, в эту самую минуту.

Марина не удивилась этому и не испугалась. Она просто смотрела, затаив дыхание. Вот он выходит на какую-то просторную веранду, садится на ступеньки, ведущие в сад. Достает сигарету, закуривает. Огонек зажигалки освещает его лицо, и видно, что Женя всматривается куда-то – хотя там, впереди, только темнеют кусты.

Марина улыбнулась ему и увидела, как он вздрогнул, обернулся. Потом затушил сигарету, быстро поднялся и ушел в дом. Она тихо засмеялась его испугу и тут же почувствовала, что засыпает.

Ей так понравилось это: всматриваться в то, как идет Женина жизнь, окликать его едва слышным шепотом. Она даже не замечала, как идет время – так радостно ей было...

А время шло обычно: рабочие дни, ночные дежурства, от которых она не слишком уставала, короткая дорога домой. Но не было больше никакой тоски, не чувствовалось никакого жизненного гнета. Любовь избавила ее от этого – наверное, навсегда.

Марина даже не знала, хочет ли увидеться с Женей, не понимала, почему на следующий же день не поехала к нему в Спасское-Лутовиново. Она видела его, чувствовала его – и была счастлива.

Ира Фролевич зашла к ней как раз в такую минуту – вечером, когда Марина сидела у распахнутого окна и смотрела, как подергивается вечерней дымкой река вдалеке.

Дверь была не заперта, и Ирка вошла без стука.

– Марусь! – воскликнула она с порога. – Ты только не сердись. Ну пообещай, что не будешь!

Марина повернулась к Ирке, встретила ее смущенный бесхитростный взгляд. Ириша Фролевич тоже была медсестрой, только в хирургии, и они с Мариной дружили – насколько вообще можно было дружить с Мариной, которая, при всем ее дружелюбии, вполне могла жить в одиночестве.

– А что случилось, Иришка? – спросила она.

– Нет, ты сначала пообещай, – настаивала Ирка. – А то не скажу!

– Ну, обещаю, – засмеялась Марина.

О чем, интересно, может просить Ирка? Скорее всего, снова дать ключ от комнаты на время Маринино дежурства. Иришка жила с родителями, а кавалеры у нее менялись гораздо быстрее, чем мама и папа успевали к ним привыкнуть, поэтому и приходилось использовать для встреч Маринину территорию.

Но оказалось, что Ирка смущается из-за другого.

– Понимаешь, Марусенька... Ты помнишь тетю Дашу – ну, мою тетю Дашу, у которой сын алкоголик?

Марина не могла помнить Иркину тетю Дашу – просто потому, что никогда ее не видела. Но зато слышала о ней много: Ирка обожала обсуждать бытовые проблемы и рассказывать истории «из жизни», поэтому о тете Даше Марина знала, кажется, все что возможно.

– Так ты представляешь, она все-таки разъехалась со своим Витькой! – продолжала Ирка, не дождавшись от Марины ответа. – Все меняться не хотела: пропадет он без меня, сопьется. А потом: все, сил моих больше нет ни на пьянку его, ни на девок. Вот и разменялась.

– Ну и что?

– Вот именно – что! – воскликнула Ирка. – Она месяц назад вселилась в свою однокомнатную, а жить там не может! – И, встретив Маринин вопросительный взгляд, Ирка продолжала: – Понимаешь, у нее там черт знает что происходит... Ну, шумит как будто кто-то, даже стонет, и падает все. Ваза с цветами упала со шкафа...

Марина нахмурилась. Наконец она поняла, чего хочет от нее Иришка, и рассердилась.

– Ира, – сказала она решительно, – я же тебя просила! Не ходи ты ко мне больше с этим, не хочу я этого и не могу, как ты не понимаешь!

– Марусенька, милая, – заныла Ирка, – ну последний раз, ну честное слово! Жалко же тетю Дашу, разве мало она намучилась, чтоб опять покоя не знать? А она же знаешь какая: плачет, говорит, это мне наказание, что сыночка единственного на произвол судьбы бросила. А при чем тут сыночек, гад такой!

– И ты, конечно, ей сказала, что знаешь, кто может помочь?

– Ну, не совсем так... – снова смутилась Ирка.

– Но почти, – убежденно сказала Марина. – Ох, Ирина Анатольевна, что ты за человек!

Иркина просьба и вообще была некстати, а сейчас особенно. Думать о какой-то неведомой старушке, будоражить в себе то, что нельзя было тревожить просто так, походя, – и именно теперь, когда все мысли заняты Женей, когда ему принадлежат все чувства! Марина едва не расплакалась, представив себе все это.

– Ты пойми, Марусенька, – снова затараторила Ирка. – Там же ничего даже не надо делать, только сказать, в чем дело, и все! Даже проще, чем когда ты мне кольцо нашла, честное слово!

– Проще, труднее... Много ты в этом понимаешь! – расстроено сказала Марина. – Лучше бы я тебе не искала кольцо это дурацкое!

История с кольцом была такая же нехитрая, как все Иркины истории, и Марина действительно жалела, что помогла ей тогда. Ирка надела на очередное свидание мамино золотое кольцо с бриллиантом. Очень уж парень был богатый и перспективный, хотелось пофорсить. И, по закону подлости, кольцо это, разумеется, потеряла.

– Что мне теперь делать, что? – рыдала она, упав на Маринину кровать. – У матери больше и нет ничего, она ж его и не носила поэтому, держала на самый черный день! И к тому же: а про Гришу что мне теперь думать? А вдруг это он?.. Я же под утро уснула...

– Дура ты, Ирка, – сказала тогда Марина вполне искренне. – Что же ты с ним спать ложишься, если сомневаешься, не снял ли он кольцо с пальца?

– Да-а, тебе хорошо говорить, – всхлипнула Иришка. – Ты вон вообще без никого обходишься и горя не знаешь! А как его удержать, если он хочет? Что же мне, девочку из себя было строить или кольцо в рот положить?

Ирка была, конечно, сама виновата, но Марине стало ее жаль. И еще больше было жаль ее маму, учительницу математики. Откуда у скромной и сдержанной Зои Лукьяновны могло взяться кольцо с бриллиантом, было совершенно непонятно, но Марина тут же представила себе какую-то необыкновенную семейную историю – и сердце у нее дрогнуло.

– Знаешь что... – медленно сказала она. – Давай попробуем найти...

И вот теперь Ирка снова явилась к ней, на этот раз просить за какую-то тетю Дашу. И Марина снова смотрит в ее круглые бесхитростные глаза, понимая, что не сможет отказать.

Тетя Даша жила на окраинной улице в блочной пятиэтажке; ее обмен никак нельзя было назвать удачным. Еще поднимаясь по заплеванной лестнице на третий этаж, Марина представила себе квартиру – тесную комнатушку с низким потолком – и, конечно, не ошиблась.

Правда, тетя Даша успела сделать ремонт, и комната была оклеена светлыми обоями в мелкий цветочек, но чувство бедной, безрадостной жизни уже не могло покинуть этот дом.

Наверное, Ирка предупредила тетю, для чего приведет к ней подругу, потому что та смотрела на Марину испуганно, как на пришлицу из космоса или из горсобеса.

– Вроде еще я в своем уме и капли в рот не беру, – торопливо рассказывала она. – Не должны бы мне черти мерещиться. Я бы вас, Мариночка, не стала тревожить, да Ирочка вот... Ты, мол, тетя, так с ума сойдешь. И ведь правда – жуть берет! Каждую ночь, только свет выключу, сначала вроде стонет кто-то, а

потом плакать начинает – тихенько так, всхлипывает. Помолчит – потом опять. Как тут уснешь? Встану, свет зажгу – замолчит, и нету никого. А лягу – опять. Ваза потом еще упала... Я из сада цветов привезла, лето все-таки. А ночью – грохот, я вскочила, а ваза-то на полу...

– Может быть, вы просто на край ее поставили? – на всякий случай спросила Марина.

– Да нет, Мариночка, какое там! Я же аккуратная, не привыкла абы как делать. На стул встала, хорошо поставила, как следует. Не сама она упала, ваза эта!..

Сказав это, старушка вздрогнула и побледнела.

– Почему вы так уверены? – спросила Марина, вглядываясь в ее лицо.

– А цветы-то... Цветы-то как лежали – не приведи господь! – тетя Даша перекрестилась. – Поломанные все, вот как! Я батюшку позвала, водой святой побрызгал – не помогает. Той же ночью снова оно плачет, да так горько, как все равно я его обидела чем...

Старушка еще говорила что-то, объясняла, но Марина уже не слышала ее. Ей казалось, что она слышит внутри себя нарастающий гул – властный, заглушающий все внешние звуки. Она почувствовала, как немеют пальцы, руки, плечи, как страшное это онемение охватывает ее всю...

– Вы выйдите пока, на кухню пока... – прошептала она – уже почти не слыша своего голоса и торопясь сказать, пока не онемеют губы.

Она не видела, как торопливо выскользнули на кухню Ирка с тетей Дашей. Ей было так тяжело, словно земляная толща навалилась на нее – только не снаружи, а изнутри, из собственной ее глубины. И Марина чувствовала, что эта внутренняя тяжесть вот-вот разорвет ее...

И вдруг – это прекратилось! Распирающая тяжесть исчезла, словно лопнула мыльным пузырем, и наступила тишина – звенящая, осязаемая. И в ней, в этой лишенной внешних звуков тишине, Марина услышала совсем другие звуки: тайные шепоты и шорохи, похожие то на птичий щебет, то на чье-то дыхание.

Сначала звуки были отрывистыми, но вскоре Марина почувствовала их ясный строй и тут же услышала:

– А мне – ни цветов, ни слова...

Это произнес женский голос – тихий, шелестящий и такой печальный, что сердце замирало от жалости. Глаза у Марины были закрыты, но она тут же открыла их, словно разбуженная этим печальным голосом.

И увидела говорившего. Прозрачный контур медленно, как облако в безветренную погоду, перемещался по комнате под низким потолком, и от этого контура исходило ощущение обиды, печали и горечи. Это очертание показалось Марине усталым, старческим и неприкаянным...

– Марусенька, что с тобой? – испуганная Ирка трясла ее за плечи. – Вот я дура, и правда дура! Тетя Даша, воды принесите скорее! Господи, если б я знала! Кольцо-то тогда так просто нашлось...

Маринины глаза снова были закрыты, на лбу выступила испарина, и лицо ее стало таким бледным, словно кровь не просто отхлынула от него, а ушла навсегда. Она сидела на полу, привалившись спиной к дивану, и со стороны казалась мертвой. Ничего удивительного, что Иришка перепугалась! Тетя Даша – та вовсе потеряла голову: металась из комнаты в кухню, готова была бежать на улицу за «Скорой», забыв, что дома есть телефон.

Наконец Маринины ресницы слегка вздрогнули, глаза открылись. Но ничуть не легче стало смотреть на ее белое лицо с огромными темными глазами. Глаза стали теперь совсем не такими, как обычно. Не всегдашнего Маринино цвета, а именно темными, как омуты, из-за расширенных зрачков.

Ирка испуганно ахнула, заглянув в них, и тут же замолчала. Марина оперлась рукой о край дивана, приподнялась с пола и села, закрыв лицо ладонями.

Когда она отняла руки от лица, глаза ее были прежними – узковатыми, переливчатыми – и лицо медленно начало розоветь.

– Ой, Марусенька, ну ты нас и напугала! – облегченно вздохнула Ирка. – Мы же и правда не знали, что так... Что это с тобой было?

– Да ничего, Ириш, – тихо ответила Марина. – Неважно, уже прошло. Душно здесь, а я сосредоточилась, вот и... Но вообще-то ничего здесь нет страшного. Тетя Даша, – обратилась она к насмерть перепуганной старушке, – в этой квартире кто жил до вас, вы знаете?

– Да бабуля одна жила, – ответила та. – Умерла, правда, но я ж спросила у родственников ее, когда менялась. Тихо умерла бабуля, среди своих, девяносто лет ей было. Плохо ли – такая смерть? Не то чтобы самоубийца какой или, например, человек одинокий, несчастный...

– Все равно, – покачала головой Марина. – Ей, кажется, родственники цветов не носят, да и вообще – забыли ее сразу, вот и все. Она, наверное, обидчивая была при жизни, вот после смерти и осталась ее обида, в комнате осталась – это бывает...

– Господи, что ж теперь делать? – всполошилась тетя Даша.

– Да ничего особенного, – пожала плечами Марина. – Сходите к ней на могилу, цветы отнесите – раз, другой. Она и успокоится, ей ведь немного надо.

Спускаясь на ватных, слабых ногах по лестнице, Марина уже не думала ни об Ирке, ни о тете Даше, ни о неведомой старушке. Она чувствовала только усталость, каменную усталость, и больше ничего.

Она не помнила, как добралась до дому, как открыла дверь дрожащими руками, не раздеваясь, упала на кровать и, не шелохнувшись, пролежала до самых сумерек.

«Зачем я согласилась? – думала Марина. – Ведь я знала, как это может быть, ведь я видела, как это бывает... Иркину тетку пожалела! Кто бы меня пожалел...»

Действительно, кольцо нашлось тогда легко: надо было только немного сосредоточиться, чтобы представить комнату их с Ирккой общей приятельницы Надежды, свежую постель на широкой кровати и маленькую дырку в досках пола – след от выпавшего сучка у ножки кровати... Марине все это удалось почти в шутку, ей даже интересно было попробовать.

Но сегодня... Она чувствовала, что согласилась не из-за жалости к чужой тетке. Какое-то другое чувство – властное, не дающее покоя – владело ею, когда она заставила себя по-особому взглянуть в незнакомую комнату. Это чувство было сродни любопытству, но гораздо сильнее его. Марина понимала, что, повторись оно, она снова не смогла бы ему противиться...

– Я больше не буду этого делать! – в отчаянии произнесла она вслух, и в голосе ее прозвучали слезы. – Просто так, ни для чего... Как я могла?

И тут она поняла, что было самым ужасным в сегодняшнем дне: лежа на своей кровати в одиночестве, измотанная и опустошенная, она не могла думать о Жене! То есть она думала о нем, но это были просто мысли, так она могла бы думать о ком угодно, хоть о своем заведении. Тех, особенных, мыслей, которые позволяли ей видеть Женю яснее, чем если бы она стояла рядом с ним, больше не было...

Марина вскрикнула и вскочила. Что же теперь делать, что?! Она металась по комнате, натываясь на какие-то углы и предметы – мешающие, ненужные! – она сжимала пальцами виски и замирала в бессильном недоумении. Она включила свет, словно надеясь увидеть что-то, что могло бы ей помочь...

Наконец, не в силах больше оставаться в пугающем, сковывающем пространстве комнаты, она выбежала на крыльцо.

Все переменялось на улице за то время, что Марина пролежала в странном забытии. Последний августовский день был теплым и ясным – и тем необыкновеннее была ночь, в которую Марина нырнула, как в омут.

Сначала усталая, а потом занятая своими переживаниями, она не слышала дальнего грома и первого осторожного шума дождя. И только теперь, схватившись за балясину крыльца, Марина увидела, что на улице бушует гроза. И какая!

Небольшой хозяйский сад гудел, и его гул сливался с шумом ветра над рекой, с долгими громовыми раскатами. Сполохи молний разрывали небо так часто, что оно даже не казалось темным: светилось грозным красноватым заревом.

– Рябиновая ночь! – вдруг поняла Марина. – Рябиновая, воробьиная – ночь на сентябрь!

Ей стало так страшно, что она прижалась к двери, не решаясь даже подойти к краю крыльца. Она вспомнила, как бабушка говорила: в такую ночь небо накажет чаровника... И хотя она не считала, что сделала что-то плохое, страх не проходил. Она чувствовала, что не может стоять здесь, на крыльце, и не может вернуться в дом: всюду был ужас одиночества.

Ей нужно было увидеть Женю – сейчас, немедленно! Впервые после того, как они расстались неделю назад, Марина ощутила свою оторванность от него – и ей тут же захотелось снова соединиться с ним, чтобы не расставаться больше никогда. Это не было прихотью: она чувствовала, что вся ее жизнь зависит от этого...

Марина спрыгнула с крыльца и тут же ощутила, как туфли увязли в грязи; холодная, мокрая трава прикоснулась к ногам. Она уже не обращала внимания ни на гром, ни на молнии, ни на зловещее небесное зарево, но дождевой поток обрушился на нее, заставив снова отпрянуть под навес.

Она вернулась домой, достала из шкафа свернутый отцовский дождевик – тяжелый, брезентовый – и, надев его, рассовала по глубоким карманам деньги, какие-то мелочи, случайно попавшиеся ей под руку. Потом выскользнула в сени, где стояли резиновые сапоги, которые она всегда надевала, когда ездила за грибами.

Все это она делала, стараясь успокоиться, взять себя в руки. Надо было как-то добраться до автовокзала, взять билет до Мценска... Все это просто невозможно было сделать в том лихорадочном состоянии, в котором она находилась.

Марина набросила капюшон и, остановившись на пороге, обвела комнату прощальным взглядом – хотя ей не с кем было здесь прощаться...

Через пять минут она бежала по улице, освещаемая вспышками молний, придерживая рукой капюшон дождевика и задыхаясь от единственного желания: поскорее преодолеть и ночь, и дождь, и расстояние.

Глава 4

Женя Смоленцев не знал, случайно ли он оказался в Спасском-Лутовинове. С одной стороны, он писал диплом по Тургеневу, заканчивая филфак, и аспирантский реферат у него был по Тургеневу – так что его появление в Спасском было вполне закономерно.

Но с другой стороны, ни Жене, ни его родителям-филологам в голову не могло прийти, что из-за диссертации по Тургеневу ему придется уехать из родного дома, из Москвы, разорвать все связи с привычным своим миром.

И действительно, Тургенев был здесь ни при чем.

Все дело было в Алине. История Жениной любви была так банальна, что он сам стеснялся ее. Но это была история любви, и все в ней было всерьез, как бы ни выглядело со стороны.

Алина была самая необыкновенная девушка, какую Жене довелось встретить в жизни. Вообще-то он не сразу заметил ее: на картошку, где перезнакомились все первокурсники, он не ездил, потому что как раз вывихнул ногу, неудачно спрыгивая с подножки троллейбуса. А когда начались занятия, в большой аудитории-амфитеатре было так много красивых девушек, что мудрено было сразу выделить какую-то одну.

Женя разглядел Алину только на вечеринке, которую староста группы Лена Яшкевич устроила в первый же выходной. Лена жила недалеко от университета, на проспекте Вернадского, квартира у нее была большая, но уж тут-то Женя увидел наконец Алину.

Увидел и обмер – такая она была необыкновенная. То есть, может быть, она не всем казалась такой, хотя, без сомнения, была красива: высокая, русоволосая, с

большими темными глазами и с фигурой старомодно пропорциональной, как у скульптурной Венеры. Но мало ли красивых девушек, которые совсем не кажутся необыкновенными?

У Алины был необыкновенный взгляд. Она смотрела задумчиво и немного печально, даже когда смеялась. Жене сразу показалось, что она всматривается не столько в окружающий мир, сколько в саму себя. Но это не было самолюбованием – это было что-то совсем другое. Наверное, это и называлось загадкой...

Женя не относил себя к робкому десятку, он был нормальный московский парень из интеллигентной семьи, не обремененный комплексом неполноценности. Да и с чего бы ему было страдать от комплексов – начитанному, симпатичному, занимавшемуся к тому же плаванием и, соответственно, имевшему отличную фигуру? Он не был ни ловеласом, ни нахалом, но девушки всегда были к нему благосклонны, и в свои восемнадцать лет он хорошо представлял, как себя с ними вести.

Он и с Алиной Ясеновой повел себя так, как повел бы с любой понравившейся девушкой: пригласил потанцевать, предложил выпить шампанского, присев на небольшой диванчик в углу комнаты.

Но при этом Женя не мог избавиться от чувства растерянности: этот ее взгляд... Алина улыбалась, разговаривала с ним о каком-то новом фильме, и вообще – ничего не говорило о том, чтобы ей неприятно было Женино общество. Но все время, пока они болтали и танцевали, его не покидало ощущение, что она в любую минуту встанет и уйдет.

Может, мне это просто из-за дальнорзости кажется? – думал Женя. Очки он не носил: какая-то косточка на переносице располагалась у него так, что от очков болела голова.

Он проводил Алину до общежития и шел домой все в том же состоянии растерянности. Как только за Алиной закрылась дверь, Жене показалось, что ее и не было вовсе, этой удивительной девушки...

Но Алина все-таки была, и они с Женей стали встречаться не только на лекциях и семинарах. Хотя Женя по-прежнему терялся, пытаясь ее понять.

Он, например, чуть ли не с детства знал, что будет учиться на филфаке. Не только потому, что родители работали в Институте мировой литературы, но и потому, что чувствовал интерес ко всему, что так или иначе было связано с книгами.

Когда он сказал об этом Алине, она улыбнулась.

– А я просто так на филфак поступила. Школа кончилась, надо было поступать...

Это само по себе было странным: вот так, мимоходом, поступить на филфак МГУ! Еще более странным было то, что училась Алина блестяще и была лучшей не только в их группе, но едва ли не на всем курсе.

– И что, ты теперь разочарована? – спросил Женя.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Я и не была очарована, в чем же разочаровываться? Женя, – мягко добавила она, поймав его почти испуганный взгляд, – ты не думай ничего плохого. Просто мне вообще трудно чем-то очароваться. Ну такой характер, что поделаешь.

– И мной? – тихо спросил Женя.

– Тобой? Тобой – нет, – ответила она и неожиданно поцеловала его, обвив его шею плавным движением мягких рук.

Лицо ее приблизилось вплотную, стало размытым в его глазах и от этого еще более привлекательным. Женя обнял Алину и поцеловал ее сам, чувствуя, как сердце его колотится у самого горла, заставляя дрожать губы. Он полжизни отдал бы сейчас, чтобы закрыться с нею где-нибудь, где им никто бы не мешал, – только прямо сейчас, сию минуту!

Но Алина спокойно сняла руки с его плеч и еще раз поцеловала его в щеку, прощаясь: они уже стояли возле общежития.

Все остальное произошло потом, на квартире Жениного приятеля. И Женя вел себя как мальчишка, впервые увидевший голую женщину. Хотя Алина была у него не первой и он знал, что ему не стоит беспокоиться о своей мужской

состоятельности.

Но какая она была! С ума можно было сойти от ее нежной кожи, от стройных ног, раздвигаемых пленительно-послушным движением при одном его прикосновении, от каждого томящего изгиба ее тела... И от того, как она принимала его в себя, сливаясь с ним и все равно оставаясь загадочной, не произнося ни звука даже в те, самые страстные, мгновения, когда он исходил стонами, наслаждаясь ею...

Она принадлежала ему, принадлежала безраздельно, а он так ничего и не понимал в ней. Страстна ли она была? Он не знал, но сам задышался от страсти, едва расстегивались первые пуговицы блузочки и, овеваемая легким запахом духов, обнажалась ее упругая грудь.

Хорошо ли ей было с ним? Наверное, хорошо, раз она готова была отдаваться ему снова и снова, раз подчинялась его захлебывающимся просьбам повернуться, лечь на него сверху или прикоснуться губами к его напряженной плоти...

Он не понял даже, был ли у нее первым, – но и это было неважно. Женя влюбился так, что каждое воспоминание об Алине в те часы, когда ее не было с ним, сводило его с ума.

Да и нужно ли понимать такую удивительную женщину? Не главное ли чудо сама ее загадка?

Он хотел жениться на Алине как можно скорее. Одна мысль о том, что каждый раз надо отрываться от нее, торопливо одеваться в какой-нибудь чужой квартире, – одна мысль об этом была невыносима. А это происходило снова и снова, да еще на каникулах приходилось расставаться, потому что Алина неизменно уезжала к родителям в Кишинев.

– Ну не уезжай! – стал просить Женя, когда это произошло уже в который раз. – Неужели ты не можешь хотя бы после зимней сессии разок не поехать, неужели так уж обидятся твои родители? Или у тебя там есть кто-то?

– Никого у меня нет, – пожимала плечами Алина, глядя на него темными, как вишни, глазами. – Я еду, потому что так привыкла, и вообще – мне нравится

ехать в поезде, в окно смотреть и думать...

– Тогда поедem куда-нибудь вместе! – хватался он за эту мысль. – Поехали на Байкал, например, – сколько суток идет этот поезд? Возьмем купе на двоих, насмотришься в окно до одурения!

Она только улыбалась и качала головой, и Женя понимал, что все его доводы резонны только для него самого. Алина жила по каким-то другим законам, ему неведомым.

И все равно он был готов жениться на ней в любую минуту, несмотря даже на то, что она категорически не понравилась его маме.

Он познакомил Алину с родителями вскоре после того, как они начали встречаться. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Женя с трепетом ждал маминого решения. Он любил родителей, но с детства привык к тому, что они предоставляют ему свободу выбора.

Тем более удивился он, когда, проводив Алину и вернувшись, почувствовал, какая напряженная тишина стоит в квартире. Родители разговаривали на кухне и замолчали, как только он вошел.

– Что-нибудь случилось, мама? – поинтересовался Женя, садясь на подоконник и вопросительно глядя на мать.

– Женечка, эта девушка... У тебя к ней серьезное чувство? – вдруг вместо ответа спросила Элеонора Андреевна.

Женя слегка напрягся. Что, в самом деле, произошло? Они пили чай, беседовали о каких-то ничего не значащих вещах – вроде того, как теперь читается курс введения в литературоведение и как он читался в студенческие времена Жениных родителей. Мама держалась с неизменной любезностью, и незаметно было даже, чтобы она как-то особенно приглядывалась к гостю. И вдруг – этот странный вопрос...

– Допустим. А почему это тебя так волнует? – ответил он.

– Потому что эта девушка – не для тебя, – ответила Элеонора Андреевна.

Женю поразило уже то, что мама не обиделась на его нагловатый тон. И сразу ответила, без тени сомнения в голосе. Это его-то интеллигентная мама, которая любую фразу начинала с «может быть, я не права...».

– Интересно... – медленно проговорил он. – Интересно, мама, как это ты так быстро в этом убедились?

Он посмотрел и на отца, но тот молчал, хмуро глядя в пол. Зато мама ответила сразу:

– Главным образом интуитивно. Все-таки ты мой сын, и я тебя люблю. А она тебя не любит и никогда не будет любить, не обольщайся.

Мать невольно задела болезненное место. Ведь Женя и сам сомневался, любит ли его Алина, и старался не задавать себе этот вопрос. Он ни разу не слышал от нее признаний в любви – да и вообще никаких не слышал признаний...

Обида на родителей овладела им вдруг, какая-то детская обида!

– Вы просто ревнуете! – воскликнул он. – Вам просто хотелось бы, чтобы я до седых волос оставался ребенком! Или, может, из-за прописки ее опасаетесь?

– Ну зачем так, Женька? – укоризненно сказал отец. – Когда это мы тебя считали более ребенком, чем ты есть? А уж насчет прописки – это ты вообще зря. При чем прописка, был бы человек...

Отец был прав, но Женя все равно не мог успокоиться – тем более что мама молчала, словно не считала нужным ничего больше объяснять. Наконец она подняла на него глаза, и он едва не заплакал сам, увидев в них слезы.

– Бедный мой мальчик... – сказала мама. – Надо же было тебе в нее влюбиться! Да ведь она сама не знает, чего хочет. И как это – любить, тоже не знает. Она не то что бесстрастная – но в ней страсть, если когда-нибудь и проснется, будет направлена только на себя саму, на удовлетворение своих желаний. А уж через тебя она перешагнет не задумываясь, даже не вспомнит, что ты был...

Это были слишком жестокие и несправедливые слова, и при всей своей любви к матери Женя постарался как можно скорее их забыть.

Пусть Алина кажется бесстрастной – он-то знает, что это не так! Да у него во рту пересыхает при одном воспоминании... И если она пока не понимает, любит ли его, то он добьется, что она его полюбит! Это не может быть иначе, он-то знает ее лучше всех...

Как же он ликовал, когда наконец оказалось, что он был прав! Через пять лет после того дня, когда он увидел ее впервые, после бесконечного изматывающего ожидания, после ежедневных сомнений в ее чувстве к нему Алина согласилась выйти за него замуж.

– Женя, если ты хочешь, – сказала она, – если ты не передумал, мы можем пожениться.

Это было после ресторана, где вся их группа во главе с неизменной старостой Леночкой Яшкевич праздновала защиту дипломов. Женя был слегка пьян, голова у него кружилась, и он боялся верить своим ушам. Но он знал, что Алина не пьянеет никогда; у нее только глаза становились от выпитого еще темнее и взгляд – еще задумчивее.

– Я... – он задохнулся от волнения. – Аля, я... Как я мог передумать!

Они стояли на тротуаре у двери ресторана «София», вокруг шумели развеселые однокурсники. Женя как раз поднял руку, чтобы остановить такси – да так и застыл на обочине с поднятой рукой.

– Эй, парень, чего махал-то? – вывел его из оцепенения оклик таксиста.

– Но я не хотела бы, чтобы свадьба как-то меняла твои планы, – сказала Алина уже в машине. – Тебе надо подготовиться в аспирантуру, а пожениться мы можем и зимой.

Планы, аспирантура... Все плыло у него в голове, ни о чем не мог он думать! Женя принялся целовать Алину, рука его скользила по ее груди, он забыл даже о том, что они едут в такси по Садовому кольцу и что сейчас снова придется

расстаться с Алиной у двери общежития...

Алина мягко отвела его руку, кивнув на широкую спину шофера.

– Только переходи ко мне жить сейчас! – попросил Женя. – Сколько можно, Алечка, я же до свадьбы не доживу, ведь мы ж не дети...

– Хорошо, – кивнула она. – Я съезжу домой до осени и приеду уже к тебе, с вещами.

– Господи, это еще зачем? – взмолился Женя. – Опять до осени, опять ты уезжаешь! В конце концов, почему бы нам не съездить к твоим родителям вместе, раз уж мы решили?.. Почему бы им наконец не узнать о том, что у тебя есть жених?

Женю давно уже удивляло, что Алина никогда не предлагала ему познакомиться с ее родителями, к которым ездила с такой завидной регулярностью и которые ведь приезжали несколько раз к ней в Москву. Но это был один из ее необъясняемых поступков, и он не мог настаивать.

– Вот поженимся – и узнают, зачем что-то объяснять? А ты будешь готовиться к экзаменам, не отвлекаясь на меня, – спокойно заметила она, и Женя понял, что возражения по-прежнему бесполезны.

Все и было так, как она сказала. Она вернулась в октябре и перешла жить к Жене, и он сдал экзамены уже при ней. Родители не возразили: то ли привыкли за пять лет к мысли о том, что судьба их сына вверена Алине Ясеновой, то ли тоже поняли, что возражать не имеет смысла.

Свадьба была назначена на пятнадцатое февраля, раньше не удалось уговорить регистраторшу в загсе. Но свадьба не имела для Жени никакого значения: Алина была с ним, и какая разница, когда состоится свадьба?

Пятого февраля Алина не пришла ночевать. То есть не просто не пришла ночевать – в этом случае Женя, наверное, уже обзвонил бы все морги и отделения милиции или сошел с ума. Но она позвонила в половине десятого и сказала, что не придет ночевать.

– Но почему?

Женя даже не сразу понял, в чем дело – подругу она встретила, что ли?

– Я встретила человека, к которому иду ночевать сегодня, – прозвучало в трубке из далекого, полуисправного автомата.

– А... завтра? – спросил Женя, понимая глупость своего вопроса.

– Завтра – не знаю. Но сегодня – да.

И все, короткие гудки вонзились ему в голову.

Она пришла через два дня, чтобы забрать вещи. Элеонора Андреевна была дома, но, увидев Алину, тут же оделась и куда-то ушла. Но и это было Жене безразлично: он только смотрел на Алину и не верил в то, что произошло.

– Что же это, Аля? Как же это?... – наконец спросил он – так беспомощно, что самому стало неловко.

– Я не знаю, – ответила она, и, вслушиваясь в ее мелодичный голос, он понял, что вернуть ее невозможно. – Женя, я сама не понимаю, как это произошло. Я вышла из ателье после примерки, а тут вдруг повалил такой снег, ни зги не видно. Я решила такси остановить, а остановилась какая-то «Волга», водитель сказал, что подвезет на Новый Арбат. Мы разговаривали, музыка играла. Он вообще-то военный, но был в штатском. Потом он спросил, поеду ли я к нему. И я сказала: «Да». Пойми, Женя, это было совсем другое... Не так, как случайной женщине предлагают поехать...

– А как? – тихо спросил он. – Да и какая разница, каким тоном он это сказал?..

– Дело не в нем. Я поняла, что не могу не поехать с ним, вот и все...

– Ты думаешь, что влюбилась в него?! – Женя сглотнул комок, вставший в горле. – Ты думаешь, что вот так, с первого взгляда, способна в кого-то влюбиться?! – Он говорил теперь громко, почти кричал, но это ему было все равно. – Ты думаешь, будто вообще знаешь, что такое любовь?!

– Я не знаю, влюбилась ли в него, – ответила она, и Женя увидел, как глаза ее полыхнули темным пожаром – никогда прежде он не видел этого в ее глазах. – Но это сильнее меня... Мне мало его, ты понимаешь? Вот он был со мной, мы вообще не отрывались друг от друга эти двое суток – а мне каждую минуту было его мало и хотелось, чтобы его было еще больше! Я не знаю, любовь ли это, но я знаю, что это так...

Ее слова еще не отзвучали, а Женя уже понял: этот бред кажется ей таким же резонным объяснением неизбежного расставания, как желание ехать в поезде и смотреть в окно...

Вскоре он понял и другое: невозможно, чтобы жизнь шла так, как будто ничего не случилось. Невозможно ходить в университет на лекции, сидеть в своей комнате и слушать ту же музыку, которую они слушали с Алиной, невозможно отводить глаза, встречаясь взглядом с родителями.

Особенно родители... Мама взяла отпуск – посреди зимы, хотя Женя знал, что в июне они с отцом были приглашены к друзьям в Болгарию. Отец не засиживался теперь допоздна с аспирантами, а спешил домой, как будто там находился тяжелый больной. Да еще пирожки какие-то вечно пеклись, покупалась икра, старательно и шумно праздновались все праздники...

Женя почувствовал: еще пару месяцев такой жизни – и он выбросится в окно. К тому же Алина мерещилась ему повсюду, на всех поворотах улиц, по которым она любила гулять, в подъезде его дома и в лифте, в его комнате и в постели... Надо было что-то делать, и немедленно.

И Женя принял решение. Конечно, Алина на какое-то время парализовала его волю. Но теперь, когда от нее осталась только боль, он знал, что надо делать.

– Вот что, милые предки, – сказал он однажды вечером, когда мама разливала чай, а отец делал вид, будто полностью погружен в чтение «Известий». – Я должен уехать. Может быть, ненадолго, – добавил он успокаивающе, заметив, как замерла мамина рука, держащая заварник.

– Куда же, позволь узнать? – спросил отец. – В кругосветное путешествие?

– Нет, – усмехнулся Женя. – Кругосветное путешествие мне не по карману. Так что пришлось найти что-нибудь попроще. Я уезжаю в Спасское-Лутовиново.

– Та-ак... – протянул отец. – Что ж, тоже очень романтично.

– Да плевать мне на то, как это выглядит! – взорвался Женя. – Я все понимаю – выглядит пошло: неудачная любовь, разбитое сердце и бегство в леса! Но что мне делать, если я не могу... Ну не могу я здесь сейчас оставаться, как вы не понимаете! Пусть пошло, пусть бегство...

– Ну почему же не понимаем, – вдруг спокойно возразила мама. – По-моему, Женечка, нас не стоит упрекать, будто мы чего-то не понимаем. В леса так в леса. Но, во-первых, почему в Спасское? А во-вторых – как же аспирантура?

– Во-вторых, я уже перевелся соискателем. Буду писать диссертацию сам по себе, приеду потом, сдам минимумы. А во-первых, ты помнишь Наташу Спешневу? Ну, она у нас на третьем курсе семинар вела, еще аспиранткой была тогда? Вот она и ездит в Спасское летом, подрабатывает экскурсоводом. Я ее недавно встретил – говорит, там сейчас как раз освободилось место научного сотрудника. Папа! – Женя повернулся к отцу. – Ты же знаешь, я тебя никогда не просил, но сейчас...

Отец был понятлив и на все готов ради сыновнего спокойствия – и уже через две недели Женя шел по расчищенной от снега дороге к тургеневскому дому...

Спасское-Лутовиново оказалось как раз тем местом, в котором он и должен был сейчас находиться. Это Женя понял сразу, едва вошел в тургеневский дом. Теперь, зимой, в отсутствие посетителей, он действительно был домом, созданным для творчества и душевной гармонии.

«Вот и все, – подумал Женя, осторожно проводя ладонью по темно-глубокой поверхности круглого столика в библиотеке. – Только так и возможно жить: чисто, ясно и покойно, и так я буду теперь жить...»

Глава 5

Марина работала на фельдшерско-акушерском пункте деревни Петровское всего две недели, а количество людей, приходящих на прием, увеличилось так, словно по окрестным деревням прошла эпидемия.

Приходили старухи, у которых ломило поясницу, и беременные, у которых «что-то вот тут вот колет по утрам», и молодые девушки с собственным диагнозом – «точно, что сглазили, и рука отнимается, и парень бросил»...

Марина не знала, отчего пошла о ней слава, как о какой-то особенной медсестре, к которой есть смысл обращаться по всякому поводу, – но она и не слишком об этом задумывалась.

Все время, что не было занято у нее работой, она думала только о Жене. С той самой ночи, когда, насквозь промокшая, в тяжелом дождевике, с которого ручьями лилась дождевая вода, она поднялась по ступенькам веранды и постучалась в его дверь.

За дверью было тихо, но Марина видела, как спит он, раскинувшись на широкой кровати, как вздрагивают во сне его полураскрытые губы. Она ждала, когда он проснется, когда услышит ее зов – и даже не постучала еще раз, чтобы не мешать ему услышать...

Женя распахнул дверь, не спросив, кто там. Он был без рубашки, одной рукой застегивал джинсы и, щурясь, всматривался в темную фигуру на веранде.

– Это ты! – тихо воскликнул он. – Марина, это ты!..

Он шагнул ей навстречу и тут же обнял ее. Сквозь мокрый дождевик, сквозь собственное влажное платье Марина почувствовала, как затрепетало его тело, словно между их телами не было всех этих случайных преград.

Она откинула капюшон, чтобы яснее видеть Женино лицо в предрассветном полумраке, и он тут же поцеловал ее – второпях, в краешек губ. Он не произнес больше ни слова после первого своего тихого вскрика, и Марина тоже молчала, прижимаясь к нему, замерев у его сердца и забыв обо всем.

Она не заметила, как они оказались в комнате. Кажется, Женя так и не выпускал ее из объятий, но уже через несколько минут она стояла босиком на домотканом коврике, мокрый дождевик лежал на полу, а Женя торопливо расстегивал длинную «молнию» сзади на ее платье – то ли желая освободить ее от холода промокшей одежды, то ли торопясь обнажить ее тело.

Платье сползло наконец вниз – и тут же Женины губы прикоснулись к холодной Маринойной коже.

В нем было много того юношеского трепета, который с ума сводит женщин постарше, способных оценить искренность и чистоту порыва. Но Марина не знала этого, не могла знать: Жена был у нее первым, и она просто чувствовала, что трепет его тела пронзает ее, заставляет трепетать в ответ и стремиться к нему, к нему – неостановимо...

Он соскучился по женскому телу, по наслаждению близости – но и этого Марина не знала: все было у нее впервые, и значит, впервые в мире совершалось таинство любви, таинство соития.

Будь у нее побольше опыта, она поняла бы, что Женины ласки не только трепетны, но и торопливы, что он еле удерживается от того, чтобы не быть с нею грубым.

Она же чувствовала только, как он прикасается губами к ее груди, языком ласкает соски, как его руки сжимают ее бедра и дрожат его ладони, сходясь между ее ног, пытаясь их раздвинуть...

Они лежали теперь на кровати, на еще не остывшей после Жениного одинокого сна постели. Тяжело дыша, чуть постанывая, Женя прижимался ногами, животом к Мариному обнаженному телу и просил ее:

– Милая, ну милая, ну Мариночка, ноги раздвинь немножко...

Марина едва не плакала, слыша его страстный шепот. Она не знала, что с ней происходит, отчего вдруг охватило ее оцепенение. Ноги ее точно судорогой свело, она чувствовала, какими острыми стали плечи. Ей казалось, что к ней неприятно прикасаться сейчас, как к ледышке. С трудом, словно преодолевая

какое-то незримое сопротивление, она раздвинула ноги – и тут же почувствовала, как Женя, слабо вскрикнув, проник в открывшуюся вздрагивающую глубину...

Она не чувствовала, что происходит с нею, но чувствовала, как хорошо стало ему, как его нетерпение сменилось наслаждением.

Хриплые, бессвязные слова вырывались из его губ, но слова были неважны сейчас, а важно было только то, что он любил ее. И если твердой его плоти хотелось быть там, между Марининых ног, то это должно было быть так...

– Мариночка, я не могу больше, я так быстро... Но я не могу, я уже все, Мариночка...

Она не знала, быстро все произошло или медленно, но и это было неважно для нее: она чувствовала, как ему хорошо в ней, как торопливыми толчками выходит из него напряжение...

Все тело его выгнулось – и тут же забилося, точно в судорогах. Она даже испугалась: он стонал и дергался так, словно ему было больно, и до боли сжимал ее грудь. Но это длилось лишь несколько мгновений. Потом его движения стали спокойнее, и глаза его, которые она все время видела, несмотря на полумрак, приоткрылись, прояснили.

Женя замер, изредка вздрагивая, и приподнялся, вглядываясь в ее лицо.

– Милая, ты прости меня... – произнес он, и голос у него больше не был хриплым: тихая ласка слышалась в его голосе. – Все так быстро получилось... Я открыл – ты стоишь на пороге. А я все время о тебе думал, ты мне снилась – и вдруг... Я не мог ни секунды больше ждать, я даже сказать ничего не смог толком...

Марина вслушивалась в его шепот, в чудесный его голос и чувствовала, что даже ответить не может ему. Ей так много хотелось ему сказать – так много, что она могла только молчать...

Осторожно высвободившись из нее, Женя лег рядом. Потом повернулся к Марине.

– Мы с тобой так странно расстались, – сказал он уже спокойным голосом. – Правда, мы и встретились странно... Я хотел тебя искать, но ведь ты даже фамилию свою не сказала, и я мог только ждать. А иногда – ты знаешь? – мне и не верилось, что все это было на самом деле: ты лежишь на дорожке, потом идешь рядом со мной, волосы у тебя мокрые... Это все правда было, Марина?

– Правда, – Марина наконец смогла ему ответить. – А я все время знала, что мы скоро встретимся. Я вот только не понимаю: почему не приехала к тебе сразу?

– Но ведь приехала все-таки, – улыбнулся Женя. – К чему теперь говорить о том, что было? Ты здесь – сегодня ты здесь...

– Я не уеду больше от тебя, – сказала Марина. – Я не могу больше без тебя...

Ей показалось, что он вздрогнул после этих слов, и она заглянула ему в глаза.

– Ты не хочешь? – спросила она.

– Я не знаю... Это слишком... неожиданно.

Марина расслышала легкий отзвук испуга в его голосе, но это было так понятно! Ночь, дождь, вдруг появляется какая-то девушка, которую он и знал-то всего несколько часов, и заявляет, что останется навсегда.

Но после того как судьба так властно бросила ее в его объятия, так неотменимо свела их жизни, – после этого невозможно было делать вид, будто ничего не произошло и завтра жизнь пойдет по проторенной дорожке.

– Не бойся, не бойся, Женечка... – Марина провела пальцем по Жениным губам, по шее, коснулась впадинки между выступами ключиц. – Я тебе не надоем, это просто невозможно...

Марина не обманула Женю, сказав, что не надоеет ему. Как она могла бы ему надоесть, когда она догадывалась о его желаниях прежде, чем он успевал высказать их вслух?

В то, первое, утро ему пришлось уйти рано.

– Я же не знал, Мариночка, – сказал Женя извиняющимся тоном. – Я хотел этого, теперь я понимаю, что хотел этого с самого начала... Но я же не знал, что ты появишься именно в этот день, и у меня много экскурсий на сегодня...

– Женя, ну что ты говоришь? – расстроилась Марина. – Зачем ты оправдываешься и в чем? Думаешь, я появилась, чтобы мешать тебе жить?

Оставшись одна, Марина впервые оглядела комнату, в которую зашла сегодня ночью с веранды.

Впрочем, смотреть здесь было особенно не на что. Обычная комната в чистом деревенском доме, похожая на ту, которую сама она снимала в Орле. Высокая кровать с блестящими металлическими спинками, большой платяной шкаф, герань на окнах... В этой комнате Женя спал, а в смежной, наверное, работал: сквозь открытую дверь виднелся старомодный сервант, письменный стол у окна.

Марина встала, набросила на плечи влажную, сбитую за ночь простыню. И тут только, прикрывая свою наготу, вспомнила: да что ж это было со мной ночью, отчего я была так холодна, когда единственный, первый мужчина сгорал от страсти?

Марина подошла к шкафу, открыла его и посмотрела в высокое зеркало на внутренней стороне дверцы. Нет, ничего по-женски заманчивого! Ну что это за фигура – полусформировавшаяся, как у подростка! Она и раньше, бывало, рассматривала себя в зеркало, но раньше – совсем по-другому. А теперь Марина пыталась понять, насколько привлекательна она для Жени, и ничего утешительного сказать себе не могла.

Привлекательны ли эти, слишком худые, бедра? А грудь – не грудь, а бугорки какие-то? И плечи эти, с их остротой и белизной, и слишком маленький островок волос между ног...

Марина вдруг вспомнила, как Саша Сташук когда-то сказал, что она холодная, как ледышка, – вспомнила и ужаснулась. Ведь и сама она почувствовала это сегодня ночью в Жениных объятиях! И отчего эта холодность, и что с нею делать?

Едва не плача, смотрела Марина на свое тело, ненавидя даже его жемчужную белизну, оттененную рыжими волосами.

Она и представить себе не могла, как пленительна ее хрупкая красота, как много обещают непроявленные, робкие изгибы ее тела. Чтобы понять это, нужен был взгляд женщины искушенной, знающей мужские пристрастия. А что могла понимать в этом Марина, над которой только недавно разомкнулся очарованный круг?..

Она достала из шкафа Женину клетчатую рубашку, джинсы. Все это было ей великовато, но ее собственная одежда еще не высохла и выбирать не приходилось. Потом Марина застелила постель, прислушиваясь, как хозяйка громко созывает кур во дворе, с другой стороны дома.

Так началась их жизнь в Спасском-Лутовинове. Так, подобно яркому осеннему цветку, зацвела их любовь.

На следующий день Марина поехала в Орел за вещами. Женя вызвался было ей помочь, но она отказалась: не хотелось, чтобы он присутствовал при всех этих хлопотах, когда она будет договариваться насчет машины, увольняться с работы. Он был удивительный, она надышаться на него не могла – и зачем ему все это?

Поэтому, как ни жаль было расставаться даже на день, Марина поехала в Орел одна.

– Как я скучал по тебе! – встретил ее Женя. – Едва дверь за тобой закрылась...

Чемоданы и узлы стояли у порога, тускло поблескивало старинное зеркало, а Марина и Женя целовались, забыв обо всем, не видя, как сплелись и слились их руки и тела в глядящей на них зеркальной глубине.

У Жени на неделю набралось отгулов, и он взял их все сразу, чтобы как можно больше быть с Мариной. Хозяйке Клавдии Даниловне он представил Марину как свою невесту, и та одобрительно кивнула:

– И то, Женечка, правильно! Дело молодое, чего ж одному-то горевать? Обустраивайтесь, детки, кого вам стесняться!

Женщины вообще чувствовали к Марине мгновенное расположение, это и на ФАПе сразу стало так. Но фельдшерско-акушерский пункт – это было потом, а первые две недели Марина не думала ни о чем, кроме Жениной любви; весь белый свет растворился в его страсти.

Сначала она панически боялась, что холодность первой ночи повторится. Но уже в тот день, когда она перевезла вещи, Марина к радости своей поняла, что опасения ее были напрасны.

Какая там холодность! Они с Женей чуть не разбили зеркало, прислоненное к стене, потому что просто не дошли до кровати в день ее приезда... Марина сама расстегнула его брюки, сама разделась и раздела его, видя, какое удовольствие доставляют ему движения ее рук, снимающих то его рубашку, то свой лифчик.

– Как же ты чувствуешь все... – прошептал Женя, когда Марина поцеловала его сосок и призывно прижалась грудью к его груди.

Она всегда чувствовала все, что совершалось в мире, но то, как она чувствовала Женю, было совсем иное... Что значил перед этим целый мир!

Всю эту удивительную неделю они остыть не могли от испепеляющей тяги друг к другу.

– Бывает же в жизни награда за все... – повторял Женя, отдыхая рядом с Мариной от любовной истомы.

Она не понимала, что значат эти слова, но понимала, что он рад ей, что он тянется к ней и не может оторваться от нее ни на мгновение.

А сама она словно вознаграждала себя за те годы, что прошли в одиночестве, в холодности собственной защищенности. Теперь же ей казалось, что она живет совсем без кожи: так остро, до боли, чувствовала она каждое прикосновение Жениных рук и каждое его движение...

Ночами, даже не одеваясь, они выходили на веранду. Никто не мог увидеть их здесь, хозяйкин вход был с другой стороны, а вдоль забора росли густые кусты малины. Женя садился на ступеньки, ведущие в сад, закуривал, а Марина обнимала его сзади, прижимаясь бедрами к его плечам и ожидая, когда он почувствует прилив желания и отбросит сигарету.

Они почти не разговаривали в эти дни и ночи, понимая друг друга без слов. И только в последний «отгульный» день, ближе к вечеру, они вышли наконец из дому, решив прогуляться немного по окрестностям.

День был тихий, осенний и безветренный, и им хорошо было идти вдвоем по дороге в полях. Сначала они молчали – просто потому, что уже привыкли молчать вдвоем. Марина прислушивалась в такие мгновения к биению Жениного сердца, которое даже в отдалении слышала отчетливее, чем собственное.

– Правда, хорошо здесь, Машенька? – спросил наконец Женя.

Это он однажды ночью так ее назвал – Машенькой, а потом стал называть так все время, и у нее сердце замирало, когда он произносил это имя. Это было не ее имя, но это было имя ее матери. В том, что Женя вдруг назвал ее именно так, таилось чудо их встречи и чудо перемен, произошедших с нею.

– Правда. Здесь ничего нам не мешает, – кивнула Марина, беря его под руку.

– Нет, не только. Эти места лечат душу, ты чувствуешь?

– Твою душу надо лечить?

Марина внимательно посмотрела на него; Женя отвел глаза.

– Нет, я просто так сказал... Я здесь полгода всего, а полюбил эти места. Машенька, – вдруг сказал он, – а ведь я совсем ничего о тебе не знаю.

– Что ты хочешь знать? – улыбнулась она.

– Да хоть что-нибудь. Ты сама из Орла?

– Нет, – покачала головой Марина. – Я в Карелии родилась, в поселке Калевала.

– В Карелии? – Женя посмотрел на нее удивленно. – Странное перемещение... Как же тебя в Орел занесло?

– Так получилось. Я врачом хотела быть, но... Просто не успела к институту подготовиться, не поступила бы. Пересмотрела справочник, нашла Орловское медучилище. А мне все равно было куда, лишь бы подальше. Поехала, поступила, закончила. Я училась хорошо, а в Карелию возвращаться смысла не было, я и осталась в Орле. Медсестрой в кардиологии.

Она говорила спокойно, стараясь не будоражить печальных воспоминаний: ей просто не хотелось сейчас нарушать покой своей любви. Но, наверное, Женя почувствовал недоговоренность того, что она рассказала.

– А родители твои? Они в Карелии остались?

– Нет, – покачала головой Марина.

– А где?

– Их нет. Они умерли.

Женя растерянно замолчал. Родители, дом – все, что надежной стеной стоит за спиной любого человека, – казалось ему незыблемым. И вот перед ним стоит девушка, в жизни которой всего этого нет. И как разговаривать с ней?

– А бабушка, дедушка – ну, хоть какие-нибудь родственники?

– Бабушка тоже умерла, а других родственников просто не было. То есть они были и сейчас есть, наверное, но далеко – все равно что нет, и они обо мне даже не знают.

Эти слова ничего не прояснили, наоборот – добавили Жене растерянности.

– Это... давно произошло? – осторожно спросил он.

– Не очень. Папа шесть лет как умер, бабушка – через год после него. А мама – давно, я ее вообще не знаю. Она умерла, когда я родилась.

Все это было так необычно, так загадочно и трагично, что Женя молчал, не зная, что тут сказать. Марина остановилась, и он остановился тоже. Она смотрела на него, и Женю вдруг охватил испуг, когда он взгляделся в ее переливчатые глаза...

– Женечка, тебе не надо этого бояться, – сказала Марина, и Женя вздрогнул оттого, что она прочитала его мысли. – Я совсем не такая уж... беспомощная. Тебе не придется меня защищать.

– Защищать? – он посмотрел на нее удивленно. – Но я не знаю... Я не думал об этом... От кого же защищать?

– Ни от кого, – улыбнулась она. – От жизни. Меня не надо защищать от жизни.

Это был какой-то странный разговор, и Женя обрадовался, когда Марина сама прекратила его.

– Смотри, как рано звезда поднялась! – сказала она, указывая на открытую линию горизонта, которой уже коснулось золотым краем солнце.

За разговором они не заметили, что идут уже довольно долго; вечер застал их посреди просторного поля.

– «Звезда дрожит в огнях заката, любви прекрасная звезда, а на душе легко и свято, легко, как в детские года», – произнес Женя, глядя на далекое пылающее небо.

– Это Тургенева стихи? – спросила Марина.

– Да, – Женя посмотрел на нее с легким удивлением. – Ты их знаешь?

– Эти – нет, просто догадалась. Другие знаю – лучше, чем эти. Тютчева.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался он, поняв, о каких стихах она говорит. – «Прощальный свет любви последней, зари вечерней», что ли? А эти, что я прочитал, чем плохи, скажи мне!

– Они слишком про любовь, в них все высказано – и зачем тогда стихи, если кроме слов ничего не остается?

– Вот это да! – восхитился Женя. – У вас в кардиологии все медсестры такие?

– У нас не хватало персонала, – засмеялась Марина. – Поэтому я одна такая.

Они развели костер неподалеку от оврага, заросшего орешником и калиной, и сели у огня, друг напротив друга. Марина смотрела на пламя, а Женя – на его отблески в Марининых глазах.

Глава 6

Ничего им не мешало в Спасском, в этом Марина оказалась права. Наверное, поэтому каждый день их здешней жизни растягивался, удлинялся – и уже через месяц и Марине, и Жене казалось, что они живут здесь вдвоем давным-давно.

Марина проводила на своем ФАПе не слишком много времени, только пока Женя был в музее. Если бы что-нибудь случилось, все знали, где найти новую медсестричку. А следить за трудовой дисциплиной было просто некому: районное начальство и так было до смерти радо, что нашлась медсестра на давно закрытый пункт в Петровском.

Она не знала, нравится ли ей заниматься хозяйством – занималась, и все, без лишних эмоций. Ей даже непонятно было, как это женщины моют посуду и представляют, что делают это для любимого. Она думала о Жене всегда, это было так с самого начала, а посуду она мыла просто так. Чтобы чистая была.

Ей нравилось слушать его рассказы о детстве, о Москве и университете, но она всегда знала, что он не рассказывает ей всего.

– Ты... Женя, ты любил кого-то – несчастливо любил? – наконец спросила она однажды.

Женя сжал свои пальцы так, что хрустнули суставы.

– Почему ты решила, Маша? – спросил он, помолчав.

– Не надо об этом говорить, если ты не хочешь, – ответила она. – Я это знаю, и мне не нужны подробности. Я не хочу тебя торопить. Но ты не бойся, милый мой, вся боль сама собою пройдет, и очень скоро.

– Откуда ты знаешь? – Женя смотрел на нее недоверчиво и даже слегка испуганно; впрочем, он все чаще смотрел на нее так.

– Почему же мне не знать? – пожала плечами Марина. – Я же люблю тебя...

Она не хотела говорить с ним о том, что трудно было бы ему объяснить.

– И все-таки это странно, – настаивал он. – Скажи, Маша, отчего ты так думаешь? Понимаешь, я не хотел бы, чтобы в моем поведении проскальзывало что-то... неадекватное тому, что есть на самом деле.

– Не волнуйся, Женечка, ничего не проскальзывает... – начала было Марина.

Но тут кто-то постучал в окно, и она с удовольствием оборвала разговор – встала и, приблизив лицо к стеклу, вгляделась в тьму октябрьского вечера.

– Наталья Андреевна пришла, – сказала она, обернувшись к Жене.

– Наташа! – обрадованно воскликнул он. – Да ведь она уехала уже.

– Значит, приехала.

Она вовсе не обрадовалась, разглядев в темноте изящный силуэт Натальи Андреевны. И не удивилась тому, что обрадовался Женя. Наталья Андреевна заходила к ним и раньше «на чаек и поболтушки», и Марина прекрасно видела,

как меняется Женино лицо при виде этой женщины. Чему же ей было радоваться?

– Привет, ребята! – весело сказала Наталья Андреевна, являя свою стройную фигуру в проеме двери. – Как рада вас обоих видеть, Женечка, дружок!

«Особенно меня», – подумала Марина.

– Заходи, Наташа, – сказал Женя, помогая ей снять плащ. – А я уже, признаться, думал, что до следующего лета тебя не увижу. Или до Москвы...

– Ах, милый Женечка, если бы я стала дожидаться, когда ты появишься в Москве, мы бы с тобой никогда не увиделись, пожалуй. – Наталья Андреевна улыбнулась своей обольстительной улыбкой. – Ты и раньше предпочитал тургеневское уединение, а уж теперь, когда твоя очаровательная Машенька делит его с тобой...

– Ну почему, – смутился Женя. – Мне скоро французский минимум сдавать.

– Разве что поэтому. И то я не уверена, что ты позвонил бы мне. Я ведь, можно сказать, Женина преподавательница, – сказала она, поворачиваясь к Марине; на лице ее играла все та же милая улыбка, но глаза скользнули по Марининой фигуре оценивающе и холодно. – И он до сих пор меня стесняется, как будто я могу ему двойку поставить!

– Это ты, положим, преувеличиваешь, – заметил Женя. – Садись, Наташа, чай будешь?

– А я вам вина привезла, – сообщила Наталья Андреевна. – Не надоела еще портвужка наша деревенская? «Бордо», между прочим. Толик Гуськович прямо из Парижа привез, в подарок любимой учительнице. Это Женин однокурсник, – пояснила она, снова специально для Марины. – Он решил, что лучше заниматься не русской литературой, а бизнес-переводом – перспективнее. Бог его знает, кто из нас всех прав – но вот Толик теперь возит мне подарки из Парижа...

«Что же ты здесь сидишь, а не в Париже с Толиком?» – снова сердито подумала Марина.

– А приехала я по весьма прозаическому поводу, – точно отвечая на ее вопрос, сказала Наталья Андреевна. – Я ведь премию не получила за свой летний ударный труд, вот и пришлось лишний раз побеспокоиться. Сочетать приятное – видеть вас – с полезным.

Пока она щебетала, Женя поставил на стол стаканы, достал из буфета печенье. Марина сидела у стола и, не отрываясь, смотрела на Наталью Андреевну.

– А ты, Женечка, я смотрю, стал такой домовитый, – насмешливо заметила она. – Как положительно действует на тебя любовь!

– А я не сторонник домостроя, Наташа, ты же знаешь, – спокойно заметил Женя. – И мне нетрудно достать стаканы из буфета, зря ты иронизируешь.

– Что ты, какая ирония! Я тоже терпеть не могу вести хозяйство и мечтаю о муже, который меня от этой радости избавит.

Марина видела, с каким удовольствием Наталья Андреевна втыкает в нее эти острые шпильки. Но что она могла сказать и зачем? И она молча разглядывала новое платье Спешневой – точнее, не платье, а элегантный черный костюм с огромными белыми пуговицами и тонкими белыми кантами вокруг карманов. От Натальи пахло такими головокружительными духами, которых Марина и представить себе не могла. На ногах у нее были черные шнурованные ботиночки с неизменно тонкими каблучками.

Только совершенно наивный человек мог поверить, что в таком наряде отправляются в деревню, чтобы получить зарплату!

«Правда, она ведь и экскурсию тогда на каблуках вела», – вспомнила Марина.

Наталья Андреевна принялась рассказывать о каких-то общих знакомых – кажется, о Жениных однокурсниках. Какая-то Леночка как была занудой, так и осталась: преподает литературу в школе. А Витя Черепанов ушел в бизнес, но погорел и даже, говорят, скрывался от мафии.

– А про мадемуазель Ясенева, между прочим, рассказывали какие-то невообразимые истории. Что-то душераздирающее! Будто бы она жила с каким-

то генералом-афганцем, у которого кроме нее было еще две семьи, будто бы он ее чуть ли не бил, а она страдала, но ни за что не хотела его оставить. В общем, что-то бредовое, – хохотнула Наталья Андреевна. – Но Алина всегда была сумасшедшая, это же все знали. А почему ты не спросишь, Женечка, чем кончились ее любовные страдания? – добавила она, бросив на Женю быстрый взгляд.

– Потому что мне это неинтересно, – сказал он.

Марина вздрогнула, услышав, как звучит его голос. Значит, Алина Ясенева...

– Да? – усмехнулась Наталья Андреевна. – Очень жаль. А то бы я тебе рассказала, что генерал в конце концов сам ее бросил, попросту товарищу подарил, будучи подшофе. И она жила потом с товарищем, потому что, видите ли, считала, что так надо для ее неверного возлюбленного...

– Перестань, Наташа, – оборвал ее Женя. – Зачем ты мне все это рассказываешь?

Голос его прозвучал глухо. Он стоял у окна, отвернувшись, и только белые костяшки пальцев, вцепившихся в подоконник, выдавали то, что он чувствовал в эти минуты.

– А почему бы и нет? – мило удивилась она. – Я думала, тебе небезразлично, как устроили свою жизнь однокурсники. Особенно те, кто, в отличие от меня, подчинил свою судьбу страстям...

«Ладно – мне, – думала Марина. – Но ему-то она зачем делает больно?»

И как только она поняла, что Наталья Андреевна сознательно и безжалостно причиняет Жене боль, – словно что-то лопнуло у нее в груди. Марина знала этот неслышный треск ломающейся преграды – знала и боялась его.

Она вдруг вспомнила, как давным-давно, больше десяти лет назад, услышала его в себе и как страшно обернулась та сила нацеленного желания, которую она позволила себе отпустить...

– Я совсем забыла, Женя, – сказала она, вставая. – Мне же на работу надо.

Он ничего не ответил, не попытался ее удержать. Он по-прежнему, не оборачиваясь, стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу.

– На работу? – притворно удивилась Наталья Андреевна, и глаза ее блеснули из-под длинной челки. – Какая же работа ночью?

– Мне больную надо навестить, – объяснила Марина. – Больную, сердечницу, я обещала.

– Ну конечно, конечно! – воскликнула Спешнева. – Как это благородно с твоей стороны – ночью оставить любимого человека ради незнакомой больной!

Но не за ироничный тон, не за нескрываемое презрение к себе и даже не из ревности ненавидела она сейчас красавицу Спешневу. За эти Женины побелевшие пальцы...

Проходя мимо Жени, она прикоснулась ладонью к его плечу и на мгновение остановилась рядом с ним. Пальцы ее вздрогнули, когда она держала руку на его плече, потом скользнули к милой впадинке между ключицами и замерли там.

Женя взглянул на нее – сначала удивленно, потом обрадованно; лицо его просветлело.

– Ты надолго, Машенька? – спросил он. – Проводить тебя?

– Нет, – покачала головой Марина. – Я скоро вернусь, но вы меня не ждите, пейте вино.

Когда она вернулась, Натальи Андреевны уже не было. Бутылка «Бордо» была открыта, но невыпитое вино краснело в стаканах.

– Ушла? – спросила Марина, снимая куртку.

– Да. – Женя смотрел на нее, стоя в углу комнаты, у кровати. – Она немного посидела после твоего ухода, а потом плохо себя почувствовала. Голова у нее заболела, что ли, побледнела так...

– Что же, в Москву она на ночь глядя поехала? – спокойно поинтересовалась Марина.

– Да нет, пошла в усадьбу ночевать. К Анне Гавриловне, экскурсоводше нашей. Сказала, утром поедет... Маша! – сказал он, помолчав и глядя, как Марина неторопливо надевает халат, стоя перед своим старым зеркалом. – Я же вижу, ты хочешь меня спросить о... О том, что она рассказывала!..

– Нет. – Марина обернулась к нему, и он видел теперь в зеркале россыпь золотящихся волос у нее на спине. – Зачем мне спрашивать об этом, Женя? Я же тебе сказала – это все пройдет. Уже почти прошло, разве нет?

– Наверное... – произнес он медленно и слегка растерянно. – Но как странно все это...

– Ничего странного, мой любимый, – тихо сказала Марина. – Ничего странного, давай лучше спать ляжем.

Она смотрела на него, и любовь переливалась в ее глазах, мгновенно меняя их неуловимый цвет. Халат она так и не застегнула, и, подняв на нее глаза, Женя сделал шаг ей навстречу...

Глава 7

Народу в этот день на прием пришло столько, что Марина устала к вечеру, как будто мешки таскала.

Правда, все было как обычно: жаловались на колики, понос, даже зубную боль. Ей пришлось доставать нагноившуюся занозу, делать прививку младенцу и вызывать «Скорую» из Мценска, чтобы отправить старика с подозрением на аппендицит. И когда наконец вошла последняя посетительница, Марина облегченно вздохнула.

– Ну, а у вас что? – спросила она маленькую полненькую женщину лет тридцати.

Впрочем, это и так было понятно – что. На лбу у женщины были наклеены пластырные ленты, лицо отекло так, что Марина не сразу ее и узнала.

– Что случилось, Галина? – повторила она.

Галина Трофимова, уборщица из местной администрации, как-то приводила к ней дочку, растянувшую ногу. И после того как девочка стала ходить, притащила в благодарность целое лукошко свежих яиц.

– Ой, Мариночка, мочи моей больше нет! – тонким голосом затянула Галина. – За что мне напасть такая, чтоб ей, стерве, сдохнуть!

– Галя, хватит выть! – прикрикнула Марина. – Дай-ка я посмотрю.

Она осторожно отмочила пластырь – и глазам ее открылся огромный фурункул на лбу у Галины. Фурункул был плотный, неназревший, она сразу поняла, что вскрывать его рано.

– Будешь на УВЧ ездить во Мценск, – сказала она. – Не созрел еще твой нарыв, придется потерпеть.

– Какой там нарыв! – снова запричитала Галина. – Нешто это простой нарыв? Нешто ты, Мариночка, не видишь, какой это нарыв?

Она зыркала на Марину заплывшими щелочками глаз, и та невольно отвела взгляд.

– Что я должна видеть? Фурункул, довольно большой...

– Да сучье вымя это, Марина, вроде ты не знаешь!

Конечно, она знала. Но не хватало еще, чтобы к ней все повадились ходить с такими вещами!

– Хватит глупости болтать, Галя, – решительно сказала она. – Вскрывать я не буду, придется поездить. И не вздумай дома иголкой проткнуть – костное воспаление может быть, помереть недолго.

– Мариночка, да разве его иголкой вылечишь? Помоги ты мне, милая, Христом-богом тебя прошу! Никто помочь не может, бабка Тимофеевна – и та...

Марина молчала. Нетрудно было понять, что настырная Галина от нее не отвяжется, да и вправду жаль было ее...

– Помоги! – сказала она наконец. – С чего ты взяла, что я могу помочь в таких делах?

– Ой, Мариночка, да ты не подумай, чтобы я чего плохое про тебя!.. – горячо зашептала Галина, оглядываясь на дверь. – Люди говорят, а уж люди знают! Тимофеевне ты руку лечила, она тоже говорит – такие дела по учебе не лечат, такие дела по крови лечат...

«Вот бабка паскудная! – сердито подумала Марина. – А ведь как ныла: помоги, деточка, ты медицину постигла...»

Она собралась уже выставить Галину, как вдруг та, словно почувствовав Маринины намерения, снова заголосила и бухнулась на колени.

– Не уйду от тебя, не уйду, хоть убей! – рыдала она. – Лягу тут и помру, все одно мне не жить! Может, она на меня смертную порчу навела, откуда я знаю, и куда мне теперь идти? И доченька моя сиротой останется, бедная девочка неповинная!

– Да замолчи ты! – Марина даже ладонью по стулу стукнула. – Что ты плетешь, какую смертную порчу! Просто позавидовала дура, обозлилась – что тут страшного?

– Помру я! – не унималась Галина. – Голова у меня сгниет – и помру!.. Разве ж я виноватая, что Колька ко мне стал ходить, а не к ней, разве ж я его присушила? За что она меня так, подлюга, а?!

– Ну, за что, за что – да ни за что, – успокаивающим тоном сказала Марина. – Такой, значит, человек, что тут поделаешь? Сядь, Галя, успокойся. Воды выпей.

– Рассказать? – тут же деловито спросила Галина, быстро поднимаясь с колен.

– Не надо, – покачала головой Марина. – Мне это неважно. Да помогу, помогу, – остановила она уж было снова открывшую рот женщину. – Только я тебя прошу, Галя, как человека тебя прошу: не болтай ты об этом всем и каждому! Я же не бабка Тимофеевна, зачем мне такая слава? И смешно же это, пойми: из ФАПа заговорную избу сделать!

– Никому, вот те крест – никому! – быстро перекрестилась Галина. – Ты только помоги, Мариночка, а я – могила!

«Так-таки и могила», – подумала Марина.

Но что было делать с неотвязной Галей?

Она вышла в сени, превращенные в комнатку для посетителей, убедилась, что там никого нет. Потом зачерпнула из ведра воды в тонкий стакан и вернулась к Галине. Та, открыв рот, следила за тем, как Марина открывает дверцу печи в углу, долго и внимательно смотрит на догорающие березовые полешки. Сполохи тлеющего пламени освещали ее лицо под низко надвинутой белой шапочкой, плясали в расширенных глазах... Галина замерла, глядя на это и боясь произнести хоть слово.

Марина вынула из печи три уголька и, подбрасывая их на ладони, подошла к столу. За окном уже стемнело, полумрак стоял и в комнате. Занятые разговором, женщины не включили верхний свет, и только настольная лампа освещала теперь стол.

Марина поставила стакан на стол и медленно, по одному, бросила туда угольки. Они плавали на поверхности воды, тихо шипя. Галина следила за ними, не в силах отвести глаз. Маринины глаза тоже были устремлены на эти три уголька на поверхности воды, губы ее беззвучно шевелились...

– Знаешь – кто? – спросила она наконец, не отводя взгляда от угольков.

Галина кивнула.

– Тогда – о ней думай и смотри.

Голос у нее стал таким властным, что Галина вперила в угольки совсем уж неотрывно, хотя и прежде смотрела на них.

– Не смей плохое думать! – негромко прикрикнула Марина. – Хуже заболеешь! Просто так думай, вспоминай...

И Галина увидела, как легкие угольки, медленно кружась, один за другим начали опускаться на дно! Они падали, как камни, и от них отделялись прозрачные пузырьки. Пот выступил у Галины на лбу, она испуганно посмотрела на Марину. Но та по-прежнему смотрела только на воду, и губы ее шевелились.

– Все! – сказала она вдруг. – Выпей воду, Галя, а угольки оставь. Пройдет твоё сучье вымя, не бойся. А зла ты ей зря пожелала сначала... Мне тяжелее было.

С этими словами Марина присела на стул, медленно стянула с головы медицинскую шапочку.

– Ой, Мариночка, да как же я тебе благодарная, да как же мне тебя... – начала было Галина.

– Ну постарайся все-таки не болтать, – устало попросила Марина. – Не хочу я этого, тяжело мне это, как же вы не понимаете? Учти, Галя, если кто-нибудь еще с этим явится – уйду я с вашего ФАПа, так и знай.

Бормоча слова благодарности, Галина попятилась к двери и, задом распахнув ее, вывалилась в сени.

Марина впервые обрадовалась, что Жени не было дома к ее возвращению. Она так устала, что ей хотелось одного – лечь, закрыть глаза.

Но, несмотря на усталость, сначала Марина разделась и, встав в тазик, облилась водой. От оmyвающих холодных струй ей стало немного легче. Не вытираясь, она накинула махровый халат и села в кресло, в котором любил сидеть Женя. Она не волновалась, что его до сих пор нет: в музее как раз шла инвентаризация тургеневской библиотеки и Женя часто задерживался допоздна.

«Опять, опять!» – тоскливо думала она.

Ей не было жаль потраченных сил, и зла на настырную Галину она не держала. Она боялась только того, что снова разбудила в себе – как тогда, по просьбе Иришки. И снова разбудила просто так, не из собственной души...

Марина уже знала, как нелегко ей теперь будет успокоиться. Волны, поднимавшиеся у нее внутри, подступали к самому горлу, от их мощного наплыва темнело в глазах, и мучительная тоска охватывала ее.

Она сидела в кресле, обхватив колени руками, невидящими глазами глядя куда-то в угол. Глаза ее расширились, казалось, на пол-лица, темная глубина ставших огромными зрачков залила их до краев.

Ясные виденья проплывали перед нею, и Марина погружалась в них, плыла в их медленном течении. Ей виделся город – огромный город с просторным размахом улиц, с толпами людей и потоками машин. Потом – она видела себя, идущую по какому-то тихому переулку над прудом, но это не был переулок в провинциальном городе вроде Орла: она ступнями почувствовала мощное дыхание залитой асфальтом земли и вдруг поняла, что это – Москва...

– Маша! – услышала она Женин голос и медленно, с невообразимым усилием взглянула на него.

Он вошел незаметно и стоял теперь в дверях, глядя на Марину.

– Что с тобой, Маша? – тихо спросил он, по-прежнему не подходя ближе. – Почему ты... такая?

– Не волнуйся, Женечка, – произнесла она, с трудом шевеля языком. – Ничего со мной, я просто устала. Я сейчас лягу, я ужасно хочу спать...

– Ты сможешь сама лечь? – спросил он. – Или тебе помочь?

– Я сама, смогу сама, – пробормотала Марина. – Ты почитать еще хотел? Не обращай на меня внимания, Женя, милый...

Она действительно доплелась сама до кровати – и тут же уснула, провалилась в сон, как в яму.

Глава 8

На следующий день, в субботу, Марина проснулась поздно. Только легкий отзвук головной боли напоминал о вчерашней усталости, и она чувствовала себя почти спокойной.

Женя уже встал, она слышала, как он ходит по смежной комнате, открывает буфет, звякает чашками. Марина зажмурилась, с удовольствием слушая эти счастливые звуки его присутствия. По комнатам был разлит приятный запах утреннего кофе, который Женя варил на маленькой электроплитке, стоявшей прямо в комнате.

«Надо вставать, – подумала она. – Как хорошо – он здесь и надо вставать!»

– Женечка, – сказала она извиняющимся тоном, выходя в соседнюю комнату, – опять тебе с завтраком возиться пришлось! А я, знаешь, так устала вчера – уснула как убитая, ты извини...

– Ничего, Маша, – ответил он. – Это ерунда.

Что-то в его спокойном тоне насторожило Марину. И то, что Женя не смотрел на нее, делая вид, будто наблюдает за кофейной пенкой...

– Что случилось, Женя? – спросила она, подходя к нему и кладя руки ему на плечи.

– Случилось? – Он по-прежнему не оборачивался. – Что могло случиться – ничего.

Тон его был таким натянуто-безразличным, что не мог бы обмануть даже ребенка. Марина убрала руки с его плеч и вышла в сад. Осень была теплая, и они до сих пор умывались под медным рукомойником.

Когда она вернулась, кофе уже стоял на столе.

– Ты не хочешь мне сказать? – повторила Марина.

Женя наконец поднял на нее глаза. Наверное, что-то в ее лице убедило его, что дальше притворяться бесполезно. Да и хотел ли он притворяться перед нею?

– Да! – сказал он. – Да, случилось, и ты знаешь что!

– Не знаю, Женя... – тихо произнесла она. – Правда, я не знаю, поверь мне.

– Но ты же все знаешь! – воскликнул он. – Ты же все знаешь: что было в моем прошлом, что происходит со мною сейчас – все! Я не хочу скрывать от тебя, Маша: я боюсь тебя...

– Ты – меня? Боишься? – спросила она с невыразимым изумлением. – Но почему вдруг, Женя, почему?

– Можно подумать, ты действительно не понимаешь почему! Ну хорошо, я объясню. Сначала я думал: потому что я мало тебя знаю, ведь мы так недавно вместе. Я думал – любовь, мы сблизимся, все наладится... Но потом я понял: я не то что пока не знаю тебя, Маша, – я вообще не понимаю тебя и никогда не пойму. Есть ведь такие женщины, которых никогда не поймешь, сколько с ними ни проживи! И ты – как раз такая... – Он посмотрел на нее взволнованно и почти умоляюще. – А с меня хватит этого, Машенька, пойми! Со мной... У меня уже была такая женщина – и я зарекся от этого на всю жизнь. Второй раз я этого просто не выдержу. Я хочу понимать женщину, с которой живу. Понимать так же глубоко, как я люблю ее в постели, извини за пошлость.

Марина смотрела на него молча, не в силах произнести ни слова. Ей хотелось кричать, плакать, объяснять ему...

«Женя, единственный мой, чего ты боишься! – готово было сорваться с ее губ. – Меня ли тебе бояться, этого ли вообще бояться в жизни! Да ведь я люблю тебя...»

Но она молчала, и он молчал тоже.

– Ты даже сейчас молчишь так, что я теряюсь, – наконец произнес Женя. – Что клубится в твоей голове, что у тебя в душе – я не знаю... А вчера, когда я тебя увидел, глаза твои увидел, – я просто ужаснулся, Маша. Этот темный пожар, которым они полыхали... Никогда больше, ты слышишь, никогда больше я не позволю, чтобы такой пожар сжигал мою жизнь! Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она кивнула.

– И когда ты сказала – помнишь, на лугу? – о том, чтобы защищать...

– Я ведь сказала, что тебе не придется этого делать, – тихо произнесла Марина. – Я совсем не жду от тебя этого, Женя... Да ты и не сможешь этого – защитить, ты даже удержать меня не сможешь, если я вдруг захочу уйти. Я люблю тебя совсем не за это... Я просто так тебя люблю, Женя, ни за что и ни ради чего!

– Вот именно! – воскликнул он и сжал руки тем самым жестом, от которого белели его суставы. – Вот именно: а вдруг ты захочешь уйти? А что будет со мной, с моей душой, что я буду делать – об этом ты подумала?

– Я не захочу уйти, Женя, я неправильно сказала, просто потому, что я волнуюсь... Мне просто трудно говорить, вот и все, я совсем не думала о том, чтобы уйти!..

– Сейчас не думала, а потом можешь и подумать! И я не смогу этого предотвратить, ты сама только что сказала. Маша, с тобой связано столько... необъяснимого, что для меня это слишком много. Ты вся необъяснимая, ты пугаешь меня всем, что делаешь. И тогда, когда Наташа вдруг побледнела и ушла...

Он быстро ходил по комнате, а Марина остановившимся от невыносимой боли взглядом смотрела, как вьется тонкая струйка пара над остывающим кофе.

– Но я ничего не сделала ей! – воскликнула она, услышав имя Спешневой. – Я не сделала ей ничего плохого, ты же сам видел! Что с того, что она ушла, что немного голова у нее заболела? С нею не случилось ничего плохого! Я просто не могла видеть, как она специально мучает тебя, Женя!

– Да ерунда это все – подумаешь, какая мука! Обычная женская ревность – понятная, Маша, по-нят-на-я! А то, что произошло потом, – непонятно... И я не хочу этого, я ничего не хочу от тебя!

Она невольно вскрикнула, услышав это. Он ничего не хочет от нее!.. Слезы полились по ее щекам потоком, она захлебнулась рыданием и закрыла лицо руками.

– Ты... больше не любишь меня? – спросила она, почувствовав, как Женя отнимает ее руки от мокрых щек. – Женя, неужели ты больше меня не любишь?!

– Машенька, ну прости меня, – сказал он, и Марина затрепетала, услышав его ласковый, любимый голос, заглянув в его глаза – так давно знакомые, с этими тонкими серыми лучиками и рассеянным дальнозорким взглядом. – Прости, что я так грубо... Я не хотел тебя обидеть, но я должен был сказать: я больше так не могу. Наверное, я... не совсем разлюбил тебя, – торопливо сказал он, поймав ее молящий, устремленный на него взгляд. – Или не совсем успел полюбить... Все произошло так стремительно, ты же помнишь, так независимо от моей воли! А теперь... Я не знаю, Маша! Знаешь, что со мной недавно было?

– Что? – спросила она, хватаясь за призрачную возможность удержать его. – Что-нибудь случилось с тобой?

– Нет... То есть да. Это на днях было, да, дня три назад. Я экскурсию вел по парку, туристов сейчас мало, и день дождливый, одна группа всего была. Я шел по аллее, все шли за мной, я рассказывал – все как всегда. И вдруг... Я тебя увидел за поворотом, ты понимаешь? Ты стояла не двигаясь, и я почувствовал, как ты меня зовешь, манишь. Я так ясно тебя видел – подумал, случилось что-нибудь, раз ты пришла. И... я побежал к тебе, ты так сильно меня звала, что я не мог даже идти спокойно! Люди, наверное, подумали, что я сумасшедший...

Марина знала, о каком дне он говорит. Три дня назад она оставалась дома, и ей вдруг так невыносимо стало в одиночестве, так захотелось увидеть Женю, что слезы выступили у нее на глазах. Она тогда вскочила, прошлась по комнате, заставляя себя успокоиться.

«Ну что хорошего, если ты побежишь сейчас к нему, – уговаривала она себя. – Что он подумает и что ты ему скажешь? Будет неловко, экскурсоводши будут

смотреть, как на ненормальную... Зачем тебе это?»

Но думала она о нем неотрывно, несмотря на все здравые доводы о том, что этот неожиданный порыв к нему – просто блажь, которой нельзя потакать. Она думала о нем, она хотела к нему, хотела его и звала...

– Я просто... Я ничего не делала, Женечка, поверь мне... – прошептала она. – Я просто тосковала по тебе, я же люблю тебя, вот и получилось так сильно...

– Да я и не упрекаю тебя, и вообще – я, признаться, не верю во все эти мистические штучки. Но... Я объяснил тебе, Маша. Мне нечего больше сказать.

Медленно, как во сне, она поднялась, пошла к двери. Она чувствовала его каждой клеточкой своего тела, она надеялась, что он остановит ее. Но Женя молчал, и дверь за нею бесшумно закрылась.

Весь день Марина шла куда-то по дороге, ведущей мимо тихих, застывших в ноябрьском молчании деревень. Она шла не останавливаясь, как будто была у нее какая-то особенная цель. Но на самом деле она просто не могла остановиться, ей просто незачем было останавливаться.

Только один раз она присела у какого-то родника в глубине оврага. Через этот овраг вела проселочная дорога, и Марина спустилась в него машинально, все так же бесцельно.

Вода была так холодна, что рука стыла в ней мгновенно, и, глядя на свою белеющую в воде руку, Марина хотела только одного: чтобы такое же спасительное онемение охватило ее всю...

Она не помнила, сколько просидела так, глядя на журчащую среди камешков воду. Но ей не хотелось уходить: вода успокаивала, утешала душу. Впервые за весь этот невыносимый день Марина могла думать если не спокойно, то хотя бы связно.

«Этого нельзя изменить, – думала она. – Этого нельзя изменить сейчас и нельзя будет изменить потом. Я не смогу стать другой, и он не вывернется наизнанку.

Значит, так суждено – нам не суждено...»

Она вдруг вспомнила, как отец сказал ей однажды, глядя на догорающий закат: «Только время лечит, девочка моя дорогая, только время». Он не обманывал ее никогда, и сейчас, в мучительную минуту своей жизни, Марина поняла: остается только подчиниться этим словам, принять их правоту.

Но одно дело понять и совсем другое – решиться!.. Как уйти от Жени, как отдаться целительной силе времени, как оставить себе только надежду? Надежду – вместо его глаз, вместо его ласковых рук и страстного, горячего дыхания...

Застонав, Марина сжала ладонями виски. Что угодно, только не это!

«Но что, если не это? – услышала она в глубине собственного сознания неумолимый голос. – Что? Дождаться, когда он станет захлопывать перед тобой дверь, когда начнет скрываться от тебя? Или, того хуже, отпустить в себе то, что нельзя отпускать – чтобы удержать его?»

Эта, последняя, мысль заставила Марину содрогнуться. Нет, вот этого она не сделает! Ей не нужна такая любовь и не нужна та цена за любовь, которая, наверное, вполне устроила бы какую-нибудь Гаю Трофимову!

Она готова была все отдать ради того, чтобы Женя любил ее, но ей нужно было только то, что было в его душе, а не то, что может быть вызвано помимо его желания.

Она резко встала, отряхнула пальто. Ноги у нее затекли, мелкие судороги побежали от щиколоток. Медленно, словно неся какой-то невыносимый груз, Марина выбралась из родникового оврага и пошла обратно по дороге.

Она вернулась домой только к утру: сама не заметила, как далеко забрела за день. Но, наверное, это было даже хорошо: что они делали бы этой ночью наедине?

Когда она вошла, Женя быстро поднялся ей навстречу из кресла: он тоже не спал, сидел одетый.

– Где ты была, Маша? – спросил он.

В голосе его чувствовалось волнение, но Марина сразу расслышала: не такое бывает волнение, когда думают о любимом человеке. Просто – волновался, не случилось ли с ней чего.

– Гуляла, – пожала плечами она.

Ей тяжело было разговаривать с Женей вот так – спокойно, почти безразлично. Но как было иначе сделать то, на что она все-таки решилась?

– Гуляла? – удивленно переспросил он.

– Да. А теперь я уезжаю, Женя. – Она поймала его вопросительный взгляд и добавила: – Я уезжаю в Москву.

– В Москву? – теперь голос у него стал совершенно изумленным. – Но почему в Москву? Разве у тебя там есть кто-нибудь?

– А у меня нигде никого нет, – прищурившись, ответила она. – И в Орел мне так же незачем возвращаться, как в Карелию. Я еду в Москву, потому что я так хочу. Мне так надо.

Женя пожал плечами. Наверное, он совсем не ожидал этого спокойного тона, уверенных Марининых движений.

– Ты, кажется, не совсем ясно себе это представляешь, – произнес он. – Хорошо, ты приезжаешь в Москву, выходишь, предположим, на Курском вокзале – дальше что? Куда ты пойдешь, где ты будешь жить? Об этом ты подумала?

– Завтрашний день сам о себе подумает, – сказала Марина, глядя ему в глаза.

– Терпеть не могу, когда Библию цитируют, чтобы оправдать свои бытовые глупости! – сердито воскликнул он. – Нет, я не могу этого допустить! В конце

концов, ты прожила со мной какое-то время, и мне небезразлично...

– ... как я устрою свою жизнь, – закончила Марина. – Я правду сказала, Женя: завтрашний день подумает обо мне. Но только если сегодня я сделаю то, что надо сделать.

С этими словами она открыла шкаф, достала чемодан. Женя молчал, смотрел на нее. Кажется, он понял, что удерживать ее бесполезно. Или ей только казалось, будто он вообще хочет ее удержать?

Пока он оставался в комнате, Марина украдкой смотрела на него. Он ходил из угла в угол, скрестив руки на груди, его светлые брови были сердито сдвинуты. На нем была та самая клетчатая рубашка, в которой Марина увидела его впервые и которую надела сама, когда насквозь промокла по дороге к нему. И все его тело дышало под рубашкой, и билась душа в нежной впадинке между ключиц...

Пока Марина собирала вещи, Женя то выходил на веранду, в сад, то возвращался. Она собиралась торопливо, складывая в чемодан самое необходимое, а все остальное увязывая в узлы. Но бабушкино зеркало было ей дорого, и она сняла его с гвоздя и положила на дно чемодана.

– Я Клавдию Даниловну попрошу, чтобы она все это в кладовку пока спрятала, – сказала Марина. – Я не смогу сейчас все забрать, извини, Женя.

Он молчал, и она впервые не чувствовала, о чем он думает.

Она собралась за полчаса – да и какие у нее были вещи? Потом остановилась у двери – уже в пальто, уже завязав большой зеленый платок в красных павловских розах. Все в ней звенело от единственного желания: чтобы Женя даже не остановил ее, но хотя бы поцеловал на прощание...

Он молчал, и она сказала:

– Все, Женя, прощай, мой любимый.

– Мы... больше никогда не увидимся? – вдруг спросил он, и голос его дрогнул.

– Увидимся, – сказала Марина. – Я к тебе приеду, Женя.

– Ты – приедешь? Но... когда? И куда?..

– Я тебя найду, – улыбнулась она, чувствуя, как слезы неотвратимо подступают к глазам. – Я найду тебя, где бы ты ни был. Но только тогда, когда тебе это будет необходимо.

И, пока он не заметил ее слез, Марина подняла с пола чемодан и вышла через веранду в сад.

Глава 9

Ей повезло с этим последним экскурсионным автобусом. Молодой разбитной водитель подмигнул Марине.

– Не сомневайся, красавица! На резвой домчим до столицы, садись!

В автобусе стоял густой яблочный дух: туристов было немного, и предприимчивый водитель заставил ящиками с яблоками все свободное место. Марина прошла в конец салона и села одна, закрыла глаза, чтобы не видеть, как медленно плывут за окном знакомые окрестности, как исчезает вдалеке и тургеневский парк, и крыши деревни Петровское...

Но запах яблок преследовал ее, терзал ее душу, заставляя вспоминать тот день, когда она впервые увидела Женю. И не спрятаться было, не скрыться...

Она сказала Жене, что едет в Москву, потому что так ей надо поступить сегодня, чтобы был в ее жизни завтрашний день. Она не обманула его, ей просто не хотелось обсуждать с ним подробности – вот именно те, которые наступят, когда она выйдет на Курском вокзале.

У нее действительно никого не было в Москве, но она знала, к кому едет. Хотя еще два дня назад ей и в голову бы не пришло поехать к той женщине, о которой она думала сейчас.

Впервые Марина увидела ее недели две назад. Увидела, как ни странно, по телевизору, который вообще-то смотрела редко. А тем вечером вдруг включила случайную ночную передачу – просто потому, что Женя читал допоздна, а ей читать не хотелось, но хотелось дожидаться, когда он ляжет.

Женщину звали госпожа Иветта, и она назвала себя колдуньей. Услышав это, Марина слегка вздрогнула, а потом улыбнулась. Была какая-то наивность в том, чтобы так вот, сидя в московской телестудии, назвать себя именем, которое имело право на существование только в сказке или в простой деревенской жизни.

Но ничего в облике госпожи Иветты не казалось ни загадочным, ни пугающим. На вид ей было лет сорок, она была дородная, красивая, с блестящими черными волосами, венцом уложенными вокруг головы, и с ярко-голубыми глазами.

Говорила она спокойно и медленно: рассказывала о своих посетителях, внимательно выслушивала вопросы телезрителей по студийному телефону и, улыбаясь, приглашала их к себе в магический салон.

Марина не отрываясь просмотрела всю передачу. Она и сама не догадывалась сначала, отчего возник у нее интерес к этой красивой голубоглазой женщине, отчего та вызвала у нее такую мгновенную приязнь. И только потом, когда передача кончилась, Марина поняла: впервые то, чего она так боялась в себе, что отнимало у нее силы и надрывало нервы, стало предметом спокойного разговора, предметом внимания и уважения, а не завистливого страха.

И теперь, после всего, что произошло с нею, после Жениных слов: «Мне ничего не надо от тебя!» – она чувствовала не только боль разлуки, но и обжигающую, мучительную обиду.

«Почему я должна чувствовать себя отверженной, почему все должны отшатываться от меня? – думала Марина, глядя в пыльное окно автобуса. – А ничего в жизни не чувствующие бабы, которым вообще плевать, что происходит в душе их мужчин, – те, значит, нормальные? И от них никто не отшатнется, и все думают, что так все и устроено в жизни: просто, объяснимо... „По-нят-но!“

Время за этими невеселыми мыслями прошло незаметно. Сумерки еще не опустились на город, когда Марина вышла из экскурсионного автобуса на площади Курского вокзала и поставила на тротуар свой чемодан, тяжелый из-за старинного зеркала.

Телефон госпожи Иветты она помнила, хотя и не запоминала специально: просто он утонул в ее памяти и всплыл сейчас, подтверждая свою необходимость. И Марина пошла к телефонным будкам у входа в здание вокзала.

Невеселые мысли, сопровождавшие ее всю дорогу, были так неотступны, что до нее как-то не сразу и дошло: да ведь она в Москве! И только потом, уже подойдя к телефонному автомату и вспомнив, что у нее нет карточки, Марина внимательнее всмотрелась и в многолюдную площадь, и в стремительные потоки машин у самых тротуаров.

Москва! В ее, Маринином, сердце действительно так много отзывалось на этот чудесный звук, что пушкинские слова не были для нее отвлеченным восклицанием. Это был ее город. Здесь она могла бы родиться, здесь, совсем по-другому, могла пройти жизнь ее отца... Но тогда, значит, здесь могла бы родиться не она?..

Это были слишком запутанные и смятенные мысли, чтобы погружаться в них, стоя в грязной телефонной будке. И, вздохнув, Марина окликнула первого же прохожего:

– Извините, где можно купить карточку?

Госпожа Иветта жила в Медведкове. И та Марина, которая, проплутав среди однообразных пятиэтажек, позвонила наконец в обитую черным дерматином дверь, сильно отличалась от той, что вышла три часа назад на площади Курского вокзала.

Все дело было в Москве.

Москва ошеломила ее, закружила и захлестнула своими мощными волнами, которые Марина почувствовала сразу, как только вышла из телефонной будки.

Это был не просто большой город, не просто шумный город. Это был город властный, требующий от человека так много и так сразу, что надо было обладать недюжинной стойкостью, чтобы не сломаться под этим могучим напором.

И он не прощал ошибок, даже самых мелких. Марина едва не попала под машину, переходя дорогу на зеленый свет – потому что здесь нельзя было просто переходить дорогу на зеленый свет, а надо было еще помнить при этом, что любая машина может ехать по каким-то собственным правилам, и смысла нет этим возмущаться – смысл в том, чтобы перейти дорогу.

Здесь надо было двигаться по-другому! И все эти люди, такие разные, действительно двигались по-другому – так, как не умела двигаться Марина со своим дурацким чемоданом, со своим разочарованием и обидой. Этих людей ничем было не удивить, ничем не сбить с намеченного каждым для себя пути: они ко всему были готовы.

Нет, они не показались Марине недоброжелательными. Наоборот, охотно останавливались и объясняли раскрасневшейся девушке в павловском платке, как пройти через турникет в метро, на какой станции сделать пересадку. Но они были другие, все эти люди; она никогда не видела таких. Что в них было другое, Марина не понимала. Но жить среди них так, как она жила прежде, было невозможно, это ей стало ясно еще раньше, чем она села в поезд метро, неловко пристроив в углу свой чемодан.

В дверь, обитую черным дерматином, позвонила растерянная, испуганная и во всем отчаявшаяся девчонка.

– Вы – Марина Стенич, – сказала госпожа Иветта.

Она стояла в освещенном дверном проеме, улыбалась и смотрела на Марину так, словно сама проделала с нею путь от Курского вокзала до Медведкова и теперь понимала ее смятение.

Когда Марина поднималась на третий этаж, ей встретилась спускавшаяся вниз большая крыса. Увидев ее, Марина испуганно вскрикнула, а крыса остановилась, спокойно посмотрела на нее и неторопливо пошла дальше.

«Боже мой, даже и крысы здесь другие!» – с тоской подумала Марина.

Эта «встреча» так потрясла ее, что она прямо на пороге рассказала о ней госпоже Иветте.

– Мариночка, какая прелесть! – воскликнула та и расхохоталась. – Проходите же скорее, что же мы стоим в коридоре!

Через полчаса, когда Марина сидела за столом в тесной кухне и, все еще не опомнившись, пила чай с какими-то душистыми травами, госпожа Иветта сказала:

– Вы так наблюдательны, Мариночка! Мгновенно – крыса, люди на светофорах... У вас интересный ум.

– Не знаю, – пожала плечами Марина. – Просто все это так бросается в глаза...

От горячего травяного пара слегка закружилась голова, и Марина наконец почувствовала себя спокойнее. И смогла получше разглядеть госпожу Иветту, сидевшую напротив за столом. Она тут же решила, что телевизионное впечатление не обмануло ее: перед ней была удивительно красивая, располагающая к доверию женщина.

Сейчас, воскресным вечером, госпожа Иветта выглядела так, словно опять собиралась выступить на телевидении. Волосы ее были уложены таким же пышным венцом, и на них была накинута тонкая сеточка с золотистыми точками, поблескивающими в неярком свете лампы. Ее большие голубые глаза были обведены темно-синими контурами по краям век и от этого казались еще больше и выразительнее. И так же, по контуру, были обведены красивые, чувственно изогнутые губы. К губам она то и дело подносила длинную черно-золотую сигарету, с наслаждением затягивалась и выпускала ароматный дым.

Но даже больше, чем выразительная внешность, Марину поразили наряд госпожи Иветты. На ней было черное шелковое платье – свободное, блестящими волнами спадающее до полу. Платье подчеркивало и выделяло очертания соблазнительной полнеющей фигуры; движения женщины казались в нем еще более плавными, изящными. Но больше всего притягивал Маринин взгляд

рисунок, которым было украшено это удивительное платье.

Точнее, это был не рисунок, а замысловатая вышивка – шелком, золотой и серебряной нитью, какими-то блестящими камнями. На черном таинственном фоне был изображен дивной красоты сад. Золотились яблоки на деревьях, струились серебряные ручьи, взмахивали крыльями сказочные птицы и драконы. Каждое движение госпожи Иветты оживляло всю картину. Пожалуй, даже слишком оживляло: движения птиц выглядели пугающе естественными, их глаза вглядывались в Марину, заставляя ее ежиться, как будто это и в самом деле были взгляды живых существ.

Госпожа Иветта сидела, положив ногу на ногу. На узком носке ее шелковой туфельки была вышита мордочка какого-то зверька, и он тоже, то и дело выглядывая из-под подола, зыркал черными глазами прямо на Марину.

– Значит, ты решила жить в Москве... – медленно произнесла госпожа Иветта, выслушав сбивчивый Маринин рассказ.

– Я не то чтобы решила, – поспешила пояснить она. – Но я чувствую, что так надо...

– Ты не договариваешь, – слегка поморщилась госпожа Иветта. – Любовное крушение, отчаяние – все это понятно и знакомо, но ведь миллионы провинциальных девочек пережили что-то подобное, и вовсе не все они отправились в Москву.

– Но я... – смущенно начала было Марина.

– Не говори, не говори, если не хочешь, – остановила ее госпожа Иветта. – Все равно все тайное становится когда-нибудь явным, зачем торопить события? Тем более что, я полагаю, тебе есть смысл остаться у меня.

– Правда? – обрадовалась Марина.

– Если, конечно, ты согласишься на мои условия, – уточнила госпожа Иветта. – Но, по-моему, тебе необходимо согласиться – тем более что в них нет ничего невыполнимого. Рассуди сама: ну куда иначе ты пойдешь, что ты будешь делать

в Москве?

Госпожа Иветта была совершенно права, Марина и сама думала именно об этом, идя к ней, и старалась не думать о том, что будет делать, если ей откажут. Но ей почему-то стало неприятно, когда госпожа Иветта сама сказала о безвыходности ее ситуации – да еще вот так, прямо и жестко. Впрочем, взгляд у нее был при этом ясный, доброжелательный – и Марина отогнала от себя никчемные мысли.

– Я соглашусь на ваши условия, – медленно сказала она. – А какие они?

– Ну, не все сразу! – рассмеялась госпожа Иветта. – Ты сегодня устала, перенервничала. Аура твоя так сбита, что я, по правде говоря, почти и не знаю, есть ли смысл... Утро вечера мудренее! Поэтому я предлагаю тебе принять ванну и лечь спать, согласна? А обо всем остальном поговорим завтра.

Марина кивнула, и госпожа Иветта первой поднялась из-за стола.

Марина и представить себе не могла, что так приятно может быть просто лежать в ванне! Баня, общежитский душ, медный рукомойник в саду... Да ведь она и не знала вообще-то, что это такое – нежиться в душистой пене, погружаться в зеленую горячую воду и чувствовать, как блаженный покой охватывает не только тело, но и душу.

Ванная в квартире госпожи Иветты меньше всего напоминала убогое «удобство» в блочной пятиэтажке. Вся она была облицована какой-то необыкновенной плиткой с причудливыми травяными узорами. Казалось, что эта плитка сделана из китайского фарфора. Сняв колготки и стоя босиком на золотисто-зеленом полу, Марина почувствовала, что от него исходит приятное тепло. Она даже специально рукой его потрогала: действительно, пол был теплый и согревал ладонь.

В огромном, на всю стену, овальном зеркале Марина увидела себя – голую, с прямыми светло-рыжими волосами, распущенными по плечам. Она никогда не восхищалась собственной фигурой, но здесь, в роскошной ванной, Марина вдруг показалась себе не то чтобы красивее, но как-то изящнее, очаровательнее, даже, пожалуй, таинственнее, чем обычно.

Ее тело тоже казалось хрупким, фарфоровым, и причудливые узоры на стенах, и высокая шапка пены в ванне выглядели подобающим обрамлением к необычной, странной Марининой красоте...

Она лежала в воде, окунув подбородок и волосы в пену, и, борясь со сном, разглядывала множество флаконов, баночек, коробочек и вазочек, стоящих на стеклянных полках. Пожалуй, они-то больше всего создавали впечатление утонченности, изысканности, которое мгновенно производила эта комната – даже на неискушенную в изысканности Марину.

Как ни жаль было вылезать из воды, но когда-то ведь надо было это сделать. И, вздохнув, Марина облачилась в длинный махровый халат, который дала ей госпожа Иветта. От халата исходил тот же тонкий, непонятный запах, что и от пены в ванне.

«А сейчас – уснуть, поскорее бы уснуть, – подумала Марина. – Действительно, вся я сегодня какая-то сбитая...»

Глава 10

Марина проснулась поздно. То есть сначала она даже не открыла глаз, но уже почувствовала, что находится в каком-то незнакомом и необычном месте. Постепенно, словно вытаскивая себя из успокоительных объятий сна, она вспомнила все, что было с нею вчера.

Ее сегодняшнее утреннее чувство совсем не напоминало то, с которым она просыпалась в Женином доме и прислушивалась к его шагам в соседней комнате. Того счастливого покоя ей не ощутить больше нигде...

Но здесь, у госпожи Иветты, Марина чувствовала себя хорошо, и глаза она открыла даже с некоторым любопытством.

Вчера она настолько устала, что почти не разглядела комнату, в которой ей было постелено на разложенном широком диване. Но сегодня, при ярком утреннем свете, Марина с интересом разглядывала свое необычное пристанище.

Самое удивительное, что эта комната в обыкновенной блочной пятиэтажке так же не создавала ощущения убожества, как вчерашняя изысканная ванная. Марина вдруг вспомнила почему-то комнатенку Иришкиной тетки в Орле, в которой светился под потолком обиженный старушечий контур.

«Нашла с чем сравнивать!» – усмехнулась она про себя.

Комната, в которой она находилась сейчас, выглядела просторной, несмотря даже на стандартные низкие потолки. Мебели в ней почти не было, а та, что была, показалась Марине совершенно необычной. Она, во всяком случае, никогда такой не видела.

Посредине комнаты стоял низкий журнальный столик из переливчатого стекла, к нему были придвинуты два круглых кресла, сплетенных, как показалось Марине, из серебряной проволоки. Такая же серебристая угловая горка, в которой поблескивала посуда, диван с блестящими подлокотниками, раздвинутый так, что занимал полкомнаты, – вот, пожалуй, и все. Стены и пол в комнате были бело-голубого цвета, и того же цвета – полупрозрачные шторы, драпирующие окно.

«Неужели здесь она и посетителей принимает?» – удивилась Марина.

Очень уж не похожа была эта подчеркнуто современная комната на колдовскую келью. Впрочем, если называешь себя колдуньей прямо в телестудии, то все же ведь не обязательно обитать в избе со ступой?

Марина встала, с удовольствием ощутив босыми ступнями, что пол в комнате такой же теплый, как в ванной. Она сняла свою ночную рубашку, вдруг показавшуюся ей слишком простой и даже грубоватой, и набросила вчерашний махровый халат.

– Проснулась, Мариночка? – услышала она мелодичный голос.

Госпожа Иветта стояла на пороге комнаты и улыбалась приветливо и ободряюще. Сегодня она была одета не так загадочно, как вчера вечером, но не менее изысканно. И, что самое удивительное, точно в тон цвету стен и окон!

«Переодевается она, что ли, когда в другую комнату выходит?» – мелькнула у Марины смешная мысль.

– Да, я так хорошо отдохнула, – кивнула она. – Просто удивительно, до чего у вас здесь легко...

– Ничего удивительного, – усмехнулась госпожа Иветта. – Почему бы не создать себе максимальный комфорт?

По дороге на кухню, куда госпожа Иветта позвала ее завтракать, Марина успела рассмотреть, что квартира состоит из двух комнат и узенького коридора, как большинство подобных квартир в «хрущобах». Но тесноты поразительным образом не чувствовалось даже в коридорчике. Как это достигалось, Марина понять не могла.

Завтрак состоял из апельсинового сока, множества сортов прозрачно нарезанного мяса, золотистого поджаристого хлеба и фруктов, уложенных в большую вазу.

– Кофе я не пью, – сказала госпожа Иветта, наливая Марине такой же, как вчера, душистый чай. – Но ты, разумеется, можешь пить все, что тебе нравится. Если останешься у меня.

Марина не знала, как следует понимать эти слова: как просьбу остаться или как сомнение в том, надо ли ее оставлять. Словно отвечая на ее вопрос, госпожа Иветта тут же пояснила:

– Я должна понять, не было ли ошибочным мое первое впечатление. Не скрою, ты мне понравилась, я чувствую в тебе... известные способности, благодаря которым ты могла бы стать моей помощницей. Но я должна быть уверена...

– Конечно, – кивнула Марина. – Я понимаю.

Она не знала, как ей называть эту женщину: по отчеству, по имени? Слишком уж необычным и каким-то неподходящим для домашней обстановки было пышное именование «госпожа Иветта, колдунья»...

– Очень хорошо, что ты догадлива, – улыбнулась госпожа Иветта. – В таком случае, мы можем перейти в салон, чтобы выяснить все до конца.

– А разве вы работаете не здесь? – удивленно спросила Марина.

– Ну конечно нет! – засмеялась госпожа Иветта. – Милая, ты просто не совсем хорошо представляешь себе мой уровень! Хотя и откуда бы, в самом деле?.. Здесь я не только не работаю, но даже и не живу. Да разве можно жить в таких условиях! Но Медведково – рабочий район, здесь множество подавленных жизнью людей, и было бы глупо пренебрегать такой обширной клиентурой. Ты ведь совершенно случайно застала меня своим звонком: обычно у меня здесь включен автоответчик.

Не задавая больше вопросов, Марина пошла за госпожой Иветтой.

Салон, о котором она говорила, располагался в соседней квартире. Странно было выходить на грязную лестничную площадку из бело-голубой комнаты...

Марина сразу вспомнила о вчерашней крысе и вздрогнула. Но госпожа Иветта, казалось, не замечала здешних неприятных мелочей. Она открыла два замка замысловатыми длинными ключами, и Марина вошла вслед за ней в темный коридор.

Вот эта квартира действительно напоминала колдовскую келью! Идя за госпожой Иветтой, Марина на ходу заглянула в открытую дверь и поняла, что одна из комнат явно предназначена для ожидающих посетителей. А вот вторая, в которую они и направлялись...

Во второй комнате было совершенно темно, несмотря на ясный день: окно в ней было задрапировано тяжелой красной с золотом парчой. Это Марина увидела, когда госпожа Иветта зажгла массивные медные лампы, свисавшие на цепях с потолка. Лампы были не электрические: как только в них вспыхнули мерцающие огоньки, по комнате распространился кружащий голову запах.

Стены комнаты были задрапированы такой же парчой, как и окно, и все это золото таинственно поблескивало при неровном и неярком свете медных ламп.

Вдоль стен располагались невысокие комоды с большими ящиками, и Марине вдруг показалось, что в этих ящиках может храниться все что угодно – чуть ли не отрезанные головы. Но на комодах и столиках стояли не головы, а многочисленные кувшины и чаши, свечи в старинных подсвечниках, зеркало, медная кадьница и даже большое чучело совы с желтыми круглыми глазами. На стенах висели иконы, и Марина всмотрелась было в них, но госпожа Иветта отвлекла ее от этого занятия.

– Садись, – сказала она, указывая Марине на высокий стул с резной спинкой, стоящий рядом с большим низким круглым столом.

Сама она села напротив Марины, внимательно взгляделась в нее.

Марина чувствовала себя немного растерянной, но совсем не испуганной, когда разглядывала келью. Стол перед нею был застелен бордовой бархатной скатертью, на нем были разложены карты – но какие-то необычные, со множеством фигур.

Она подняла глаза на госпожу Иветту и увидела, как изменилось ее лицо – или это просто отблески от ламп падали на него сейчас? Во всяком случае, лицо ее казалось теперь суровым, голубые глаза внимательно всматривались в Марину.

– Я хочу, – медленно и внятно произнесла госпожа Иветта, – чтобы ты употребила сейчас все свои способности. От этого будет зависеть твое будущее. Не эконожь силы, сейчас в этом нет необходимости. Ты поняла?

– Да, – ответила Марина. – А что я должна сделать?

– Я покажу тебе фотографию человека, – сказала госпожа Иветта. – Ты должна всмотреться в нее – по-настоящему всмотреться, ты понимаешь? – и постараться передать этому человеку вполне определенный посыл. Например, заставить его рассмеяться ни с того ни с сего. Ты сможешь это сделать?

– Я попробую, – сказала Марина. – Где фотография?

– Я смогу потом проверить, действительно ли смеялся этот человек в тот самый момент, когда ты этого захотела, – сказала госпожа Иветта, не отвечая на

Маринин вопрос. – Это ведь только проверка, поэтому я и выбрала фотографию того, с кем можно будет потом переговорить.

– Хорошо, – снова кивнула Марина.

Госпожа Иветта достала из ящика комода небольшую черно-белую фотографию.

– Смотри внимательно, – сказала она, протягивая ее Марине. – И не береги сейчас силы – я должна видеть все.

Марина посмотрела на фотографию. На ней была запечатлена девушка лет шестнадцати – большеглазая, светловолосая, с косой, заплетенной так, что волны волос закрывали виски и немного – щеки. Девушка улыбалась, но глаза у нее при этом были печальные.

Марине не надо было даже заставлять себя всмотреться в эту фотографию – таким милым и ясным было выражение лица девушки. И ей тут же захотелось сделать так, чтобы печаль ушла из этих глаз и девушка засмеялась...

Марина смотрела на фотографию не отрываясь, чувствуя, как постепенно исчезает для нее все, кроме этого нежного лица. Потом и очертания лица потеряли отчетливость, поплыли, как будто из глаз Марины потекли слезы. Но слез не было: просто она почувствовала, как из фотографии поднимается туманное облако. Оно приближалось к Маринину лицу, переливаясь и меняя очертания в своем неторопливом движении, и наконец Марина почувствовала, что погружается в него...

И тут же, в это самое мгновение, холод пронзил ее, смертный холод! Она почувствовала, как страшный обруч сдавливает ей виски, и одновременно – будто кто-то положил ей на горло неумолимую руку...

Марина попыталась разжать этот неодолимый захват, но почувствовала, что не может шевельнуть рукой, что кровь стынет у нее в теле. В последнем стремлении высвободиться из страшных объятий смерти она вскрикнула и потеряла сознание.

Свет сначала забрезжил где-то в глубине глаз, не позволяя спать. А спать очень хотелось, и она постаралась избавиться от этого навязчивого света. Но он становился все ярче, неотвратимее – и наконец Марина поняла, что свет находится не у нее внутри, а освещает ее извне.

Она открыла глаза. Над нею был бело-голубой потолок, голова у нее болела. Марина приподнялась на локте, пытаясь встать, – и тут же со стоном упала на подушку. В комнате пахло чем-то похожим на резкие духи – наверное, она и очнулась от этого запаха.

– Наконец-то! – услышала Марина. – Ты меня почти напугала, Мариночка, нельзя же так!

Она увидела над собой склоненное лицо госпожи Иветты. Голос у той был слегка встревоженный, но глаза – спокойные, без тени даже легкого недоумения.

– Зачем же вы так?.. – тихо произнесла Марина. – Почему вы мне не сказали?.. Ведь вы знали, что эта девушка мертва...

– Ну, Мариночка, зачем же так трагично! – усмехнулась госпожа Иветта. – Ты говоришь так, будто я убить тебя хотела. Согласна, я поступила не совсем... тактично. Тебе, наверное, показалось, что даже слишком жестоко. Но ведь такова жизнь, разве ты еще не поняла? Я должна была проверить тебя, вот и все. Я была совершенно уверена, что смогу вовремя вмешаться. О чем же я должна была тебя предупреждать? И я убедилась в том, в чем хотела убедиться, – добавила госпожа Иветта, помогая Марине сесть и спустить ноги на пол. – И в том, кстати, что ты, при своих великолепных способностях, совершенно не умеешь распределять энергию. Нельзя так, Мариночка!

– Но вы же мне сами сказали... – попробовала возразить Марина, прикасаясь пальцами к ноющему виску. – Вы же сами сказали, чтобы я не берегла силы...

– Мало ли что я сказала! Тебе надо научиться не просто выплескиваться, а работать, понимаешь – ра-бо-тать! Если ты, конечно, собираешься как-то развивать свое дарование.

– Я не знаю, – тихо сказала Марина. – Теперь – не знаю...

Госпожа Иветта понимающе посмотрела на нее и усмехнулась.

– Бедная девочка, – сказала она, но в голосе ее не слышалось сочувствия. – Что ж, этого следовало ожидать. Хотя... – Госпожа Иветта прищурилась, и ее голубые глаза сверкнули, как закаленные клинки. – А на что ты, собственно говоря, рассчитываешь? Что твоя жизнь будет ясной и безмятежной, что все будут пылинки с тебя сдувать?

Марина молчала. В глазах у нее было темно от невыносимой головной боли, и сейчас она не рассчитывала ни на что. Не дождавшись ответа, госпожа Иветта продолжала:

– Ты должна понять, Марина, ты – необычный человек и незачем просить для себя обычной судьбы. Надо быть готовой к тому, что люди будут относиться к тебе со страхом и даже с неприязнью. Да и что здесь такого? Какой смысл так уж оглядываться в своей жизни на людей – это они пусть оглядываются на тебя! Ты правильно сделала, что приехала в Москву. Здесь люди посвободнее и жизнь они видят шире. Ты меньше встретишь недоумения. Но и жестче здесь люди, Марина! Этого вашего провинциального сюсюканья и всепрощения ты здесь не жди. Жизнь тебя каждый день будет проверять на прочность.

Марина едва слышала, что говорит ей госпожа Иветта. Всепрощение, прочность... Неужели она права, неужели надо одеться в непробиваемую броню, чтобы защитить себя от сторонней жестокости?

В глубине души Марина понимала, что это действительно так. Она поняла это давно – в тот самый день, когда шла с кладбища в Калевале и понимала, что думать о ней больше некому.

Безжалостная проверка, устроенная госпожой Иветтой, только подтвердила то, что она уже знала...

Но сейчас голова у нее болела так сильно, что даже мысли стали вялыми.

– Подумай, Марина, я тебя не тороплю, – услышала она голос госпожи Иветты. – Но и ждать долго я не могу. Мне нужна помощница, и если ты не согласишься, я должна буду искать другую – как можно скорее.

С этими словами госпожа Иветта пошла к двери. Но, уже стоя у дверного косяка, неожиданно остановилась, взгляделась в Марину, съезжившуюся на диване. Потом быстро подошла к ней и, словно прислушиваясь, прикоснулась пальцами к ее вискам.

Марина и сама умела снимать головную боль; казалось бы, ей удивляться этому не приходилось. Но чтобы так мгновенно! Медленным, тягучим жестом госпожа Иветта отвела пальцы от Марининых висков – и боль ушла, вытянутая ее руками, как нитки из ткани.

Заметив удивление в Марининых глазах, Иветта улыбнулась:

– Надо уметь направлять энергию, я же тебе говорила.

И, не глядя больше на Марину, она вышла из комнаты.

Глава 11

Марина незаметно надела пальто и открыла входную дверь. Госпожа Иветта что-то напевала на кухне, и Марина не стала ее беспокоить.

Память на места у нее была не хуже, чем на цифры, людей и события; у нее вообще была хорошая память. И она быстро добралась от Полярной улицы до метро.

Вообще-то все это было странно: столько лет жить в Орле и ни разу не побывать в Москве, в городе, который она с самого детства ощущала особенным своим городом. А может быть, не было в этом ничего странного – именно потому, что Москва была для нее особенной...

И сейчас она знала, куда едет, благо станция так и называлась «Арбатская». Правда, Марина все-таки поплутала по ее запутанным переходам, почему-то всякий раз снова оказываясь на перроне.

Но не найти Арбат было невозможно, и Марина нашла его сразу, как только выбралась наконец на поверхность.

Ее не узнать было, эту улицу, по которой она столько раз проходила мысленно, слушая неторопливые отцовские рассказы! Марина даже растерялась, увидев вереницу круглых фонарей посередине, толпу галдящих подростков с розовыми и зелеными гребнями волос на лысых головах, услышав разноязыкий шум, громкое пение под гитару и щелканье фотоаппаратов. От всего этого веяло неживым лоском, и она не могла поверить, что именно сюда, на Арбат, в кондитерскую Трамбле ребенком водили ее отца...

Фасады старинных особняков были выкрашены в приятные тона – розовый, голубой, оранжевый, – но Марину не покидало ощущение, что даже цвета эти – неестественные, как фонари посередине улицы.

– Красавица, дай погадаю! – услышала она у себя за спиной и резко обернулась.

Перед нею стояла цыганка – средних лет, полнеющая, в яркой цветастой юбке, выглядывающей из-под коротковатого пальто.

– Всю правду скажу, что было, что будет, чем сердце успокоится... – завела было она, но тут же осеклась, внимательнее взглядевшись в Марину.

И вдруг, словно и не пыталась приставать со своими гаданьями, цыганка быстро развернулась, мазнув Марину юбкой по коленям, торопливо отошла и тут же затерялась в пестрой толпе.

Марина не слишком удивилась ее мгновенному исчезновению. Более странным было то, что цыганка вообще к ней подошла! Марина уже привыкла, что ей никогда не предлагают погадать уличные предсказательницы – даже если она шла в компании подруг, которых на ходу за руки хватали.

Ей грустно было идти по Арбату – мимо рядов пестрых матрешек и шкатулок, мимо неменяемых поэтов, громко выкрикивающих стихи... И она свернула в какой-то переулок – совершенно машинально, не думая, куда идет.

Плутать по этим переулкам можно было бесконечно! Они вились, кружились, пересекались друг с другом, неизвестно где начинались и заканчивались. Но Марина шла по ним без всякой цели, и ей нравилось разбираться в их пленительных поворотах.

Незаметно для себя она вышла на Сивцев Вражек – и тут остановилась, словно ноги ее приросли к мокрому асфальту.

Она знала, где стоит этот дом. Знала, как найти его в запутанных арбатских переулках. Но одно дело знать и даже мечтать ночами, что это когда-нибудь произойдет, и совсем другое – стоять так близко от этого дома, что становится ощутимым его дыхание...

Марина не могла решиться идти к дому, в котором родился ее отец. Она вдруг вспомнила, как он сказал ей однажды:

– Я помню его так ясно, как будто покинул вчера. Но как же тяжело вернуться, как же тяжело!.. Наверное, хорошо было бы, если бы ты родилась в нем. А может быть, и нет – иначе ты испытывала бы такой же беспричинный трепет...

И вот теперь Марина наконец поняла, о чем говорил отец. Она стояла совсем близко от его дома, и трепет сковывал ее так, словно и она родилась здесь и теперь не решалась вернуться...

Вздыхнув, она оторвала ноги от земли и медленно пошла в заветный переулок. На стене дома, рядом с которым она остановилась, была разбита бело-голубая табличка.

Марина огляделась, словно ища кого-нибудь, кто мог бы подтвердить ее догадку. И тут же увидела маленькую сухонькую старушку, осторожно переходящую через пустую дорогу. От старушки издалека пахло нафталином: наверное, не часто надевала она свое потертое черное пальто с облезлым норковым воротником.

– Извините, – спросила Марина, – ведь это... Это Гагаринский переулок?

Старушка посмотрела на нее без тени удивления. Впрочем, Марина уже привыкла к тому, что удивить кого-нибудь на московской улице почти невозможно, разве что на руках пройти, да и то...

– Разумеется, – охотно ответила бабушка; видно было, что спешить ей особенно некуда, и она с удовольствием поболтает с симпатичной рыжеволосой девушкой. – Теперь это снова Гагаринский переулок. А была улица Рылеева. Какое глупое, бессмысленное было переименование! Кондратий Федорович никогда здесь не жил, можно только догадываться о логике тех, кто это придумал, – если у них вообще есть логика...

Старушка говорила еще что-то, Марина вежливо кивала, но уже не слышала ее слов. Она смотрела на небольшой особняк – трехэтажный, с облезшей краской – и горло у нее перехватывало от чувства, которому не было названия.

Так трогателен был облезлый ампир этого особняка, такое благородство линий чувствовалось в нем, что Марина просто не могла бы его не узнать.

Отец рассказывал, как вечером в Сочельник любил прятаться под лестницей, чтобы не отправили спать. И она ясно видела и эту лестницу, и мальчика, который таит дыхание, прислушиваясь к шаркающим нянькиным и легким материнским шагам...

– Спасибо, – сказала она бабушке. – Действительно, как глупо было переименовывать... Спасибо!

– За что же спасибо? – удивленно проговорила ей вслед бабушка.

Марина вошла в подъезд, про себя радуясь тому, что в доме не разместился какой-нибудь банк и можно по крайней мере войти в подъезд и увидеть ту самую лестницу...

Лестница была грязная, с выщербленными ступеньками, но – та самая, широкая и величественная, несмотря ни на что. Только двух мраморных статуй, о которых тоже рассказывал отец, не было в ее начале – одни опустевшие постаменты.

И, глядя на эту обветшалую красоту, Марина почувствовала такой ясный покой, какого не могла себе представить. Она входила в свой дом, и все остальное было неважно...

– Девушка, вы ищете кого-нибудь? – вдруг услышала она.

И тут же увидела человека, окликающего ее с площадки второго этажа. Точнее, только его голову увидела, пышную кудрявую шевелюру.

– Нет, никого, – сказала Марина.

– А мне показалось, вы что-то припоминаете, – сказал он, быстро спускаясь вниз.

Кажется, он не собирался выходить на улицу, а просто выглянул зачем-то из квартиры и увидел Марину. И теперь стоял на половине первого лестничного пролета и, не особенно стесняясь, внимательно рассматривал ее.

Из-за его пышной шевелюры и густых усов Марина не поняла, сколько ему может быть лет. Но, кажется, он был довольно молод, хотя глаза у него были какие-то туманные.

– Послушайте, девушка, – вдруг сказал он. – Вас как зовут?

– Марина, – ответила она и тут же подумала: «Зачем, разве я собиралась с ним знакомиться?»

– А вы не позволили бы мне, Марина, вас нарисовать? – вдруг предложил молодой человек. – По-моему, вы так вовремя появились, просто перст судьбы! А я как раз думал о чем-то подобном...

– Что значит – о чем-то подобном? – спросила Марина.

Эти странные слова заинтересовали ее. Тем более что они были произнесены таким естественным тоном, словно молодой человек спрашивал у нее, как пройти в ближайший гастроном.

– Да о том, как меняются человеческие глаза и как передать это на холсте, – пояснил он. – А ваши глаза – просто живая иллюстрация к моим мыслям.

– Да как же вы их разглядели? – невольно улыбнулась Марина. – Вот так, сверху, издалека?

– Говорю же – перст судьбы, – сказал молодой человек. – Меня зовут Глеб, будем знакомы. Так как, Марина, согласны?

«А что? – подумала Марина. – Может быть, и правда – перст?»

Ей стало весело и смешно. Как же все-таки удивительно устроена жизнь, какие неожиданные сюрпризы она готова преподносить ежечасно! Или – не жизнь, а только Москва?..

Она уже готова была кивнуть и подняться наверх к художнику Глебу, как вдруг что-то переменялось в ней. словно исчезли куда-то и покой, охвативший ее, когда она вошла в этот дом, и легкое веселье, связанное с появлением художника, – и осталось только одно пронзительное, мучительное чувство: невозвратность...

Марина знала, почему оно пришло – вот так, вдруг. Она вспомнила Женю, и не было в мире ничего сильнее этого воспоминания. Может быть, странный взгляд художника Глеба напомнил ей Женины дальнорезкие глаза или что-то другое – неважно.

Радость ее исчезла, и остался только ноябрьский день, давно не мытая лестница и незнакомый человек, почему-то собирающийся рисовать ее глаза.

– Извините, Глеб, – сказала Марина, – я просто ошиблась, дом перепутала. И я спешу, мне некогда.

– Подождите же, Марина! – воскликнул Глеб. – Может быть, вы мне телефон ваш хотя бы дадите? Я бы позвонил, когда у вас будет время!

Не слушая его, Марина вышла из подъезда.

Теперь ей было все равно, куда идти. Ей вообще не хотелось идти, а хотелось только одного: сесть где-нибудь, где никто не будет ей мешать, и, глядя перед собою, не видеть ничего. Только вслушиваться в себя, в Женю, трогать ту невидимую нить, которая протянулась между ними.

Впервые с того момента, когда она попала в Москву, Марина пожалела о своей уютной комнатке в Орле. Там, вернувшись после первой встречи с Женей, могла она часами думать о нем, видеть его и чувствовать, как все в ней соединяется с ним...

Наверное, Женя тоже думал сейчас о ней. Но он думал о ней совсем иначе... Марина вдруг ощутила такой сильный зов его плоти, что ноги у нее задрожали. Она прислонилась плечом к стене какого-то дома, до которого дошла незаметно для себя, и едва не застонала, вздрагивая от пронзающих ее горячих ударов.

Она не помнила, как долго стояла так, закрыв глаза и прислонившись к стене. Хорошо, что на улице, наверное, немного было людей. Никто не подошел к ней, не спросил, что случилось: Марина не нашла бы в себе сил отвечать.

Она приходила в себя постепенно. Удары в ней становились реже, слабее, напряжение понемногу отпускало ее. И ей немного жаль было, что все это кончается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/berseneva_anna/gadanie-pri-svechah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)